Нюрнберг

Действующие лица:

Полковник Анка Жена

Спена 1

Квартира в жилом блоке. Справа на просцениуме — прихожая: входная дверь с несколькими замками, вешалка для одежды из клыков кабана, домофон, шкафчик для обуви. Дальше — гостиная: журнальный столик, библиотека в стенном книжном шкафу, телевизор, видеомагнитофон, кресла, диван. На полках в секции — бокалы, лампа из гильзы от танкового снаряда, модель военного вертолета. Книги на полке: историческая и биографическая серии. На полу постелены шкуры кабана и барсука. На стене висят старинные часы с кукушкой. Каждые пятнадцать минут часы бьют четыре часа — и никогда иначе. На стене развешена коллекция влоцлавских тарелок. У стены стоит аквариум: без рыбок, песок, камешки, шнурок пузырьков воздуха. Дальше — две двери в другие комнаты.

Первая — обычная дверь многоквартирного дома, застекленная матовым стеклом. Стекло давно разбилось от сквозняка и заклеено скотчем. Вторая дверь похожа на входную — два замка и глазок.

Слева на просцениуме — кухня. На столе, покрытом скатертью, две электроплитки: старого типа, с черными круглыми дисками. Электрический чайник. Два подвесных шкафчика, две вешалки, два полотенца, две сушилки для посуды, отрывной календарь.

Бьют часы с кукушкой. Из-за застекленной двери в комнату входит ПОЛКОВНИК — мужчина в возрасте. Худой, подтянутый, с прямой осанкой. Одет в брюки и рубашку, на ногах — тапочки. Он садится в кресло, берет газету, включает радио. Звучит католическое «Радио Марии». ПОЛКОВНИК выключает радио, складывает газету, откладывает ее в сторону. Подходит к комоду и достает из шуфлядки блокнот, чернильницу и вечное перо. Снова садиться в кресло, заправляет перо.

Отставляет чернильницу, встает и выходит в комнату за застекленной дверью. Возвращается, на ходу надевая пиджак. Открывает бар. Бар пуст — в нем находится лишь несколько рюмок. В глубине бара — зеркало. ПОЛКОВНИК с трудом пытается разглядеть себя в нем с ног до головы. Закрывает бар и выходит в прихожую. Открывает ключом шкафчик, достает пару коричневых полуботинок от парадного военного мундира. С помощью ложечки для обуви надевает ботинки. Тапочки и ложечку прячет в шкафчик. Закрывает его на ключ, который висит на внушительной связке. Прячет ключи в карман.

Садится, протирает ботинки бумажной салфеткой.

ПОЛКОВНИК Вы знаете, что такое «Освенцимская ложь»?.. Или – «Ложь Аушвица»?..

Вы имеете об этом представление?

(ПОЛКОВНИК репетирует слова, сначала бубня себе под нос, потом

произносит их громко, глядя на кресло, стоящее перед ним)

ПОЛКОВНИК Вы же слышали об этом понятии? Знаете, что «Освенцимская ложь»

наказуема, даже у нас?.. Особенно у нас.

(Звонок в дверь. ПОЛКОВНИК резко встает, выходит в прихожую, берет

трубку домофона, говорит старческим голосом)

ПОЛКОВНИК Да... Добрый день... Да, входите...

(Нажимает кнопку домофона, вешает трубку на место, потом снова

подносит к уху и с опозданием кричит)

ПОЛКОВНИК Девятый этаж!.. Девятый!..

(Открывает замки входной двери, отворяет ее, выглядывает наружу. На

ручке висит цветная реклама. Он срывает ее, закрывает дверь, подходит

к мусорному ведру и выбрасывает рекламу)

ПОЛКОВНИК Вы знаете, что такое «Ложь Аушвица»? Вам это известно?

(Садится, смотрит на часы, встает, подходит к двери, прислушивается,

снова возвращается к столу, поправляет перо и ручку, возвращается к двери. Слушает. Через минуту раздается звонок. ПОЛКОВНИК кричит

вглубь квартиры)

ПОЛКОВНИК Минутку, уже иду...

(Несколько раз шаркает ботинками, стоя на месте. Смотрит в глазок)

ПОЛКОВНИК Сейчас... Сейчас!

(Закрывает задвижку, открывает снова, отпирает дверь. За ней – АНКА)

АНКА Здравствуйте, господин полковник. Это я.

ПОЛКОВНИК Добрый день. Вижу, что вы. Проходите, пожалуйста.

(АНКА входит внутрь, осматривается, протягивает ему руку)

АНКА Добрый день, господин полковник. Анна Стаховска...

(ПОЛКОВНИК выглядывает в коридор, кричит кому-то)

ПОЛКОВНИК И вам добрый день, дорогие соседи!

(Закрывает дверь, снова смотрит в глазок)

ПОЛКОВНИК Взяли фамилию мужа? День добрый. Колодей, Стефан Колодей.

АНКА Да, знаете. Сейчас, если вернуть девичью, придется заново приучать к ней

читателей, да и редакторов тоже.

ПОЛКОВНИК Я бы читал ваши материалы даже если бы вы подписывались Анной

Визнер.

АНКА Не все располагают такой информацией, господин полковник.

ПОЛКОВНИК Но вы же не делаете тайны из своей девичьей фамилии? Правда?

Присаживайтесь, прошу вас. Время у нас есть.

(Отпускает ее руки, указывает на кресло, садится).

ПОЛКОВНИК А вы знаете, что такое... Вы... Может, чай, кофе?

АНКА Кофе, если можно. А то давление... Ну и погода сегодня...

ПОЛКОВНИК Кофеек нам не повредит. Да, бесспорно. Или что-нибудь покрепче?

(Встает, выходит на кухню, проверяет воду в чайнике, доливает воды из слегка мутной пластиковой бутылки, включает чайник, открывает шкафчик, достает кофе, насыпает в чашки по две ложки, ставит кофе обратно, закрывает шкафчик, подходит к бару, достает оттуда стеклянную сахарницу, ставит на стол. Чайник кипит. Заливает кофе кипятком, кладет в чашки ложечки, накрывает чашки блюдцами. Ставит

на стол тарелку с печеньем. Садится)

АНКА Нет, спасибо, я на машине. Здесь не угоняют?

ПОЛКОВНИК Угоняют? Редко. Чаще по ночам. Вы не опоздали.

АНКА Ну да...

ПОЛКОВНИК Это, я считаю, очень важно. Может, даже слишком важно. Знаете, раньше

говорили, что есть два основных признака большевизации. Первое -

непунктуальность. Пожалуйста, чем богаты...

АНКА А второй? Какой второй признак большевизации?

ПОЛКОВНИК Ну, это когда человек радуется, если другим хуже, чем ему. Вы вот

радуетесь, когда другим хуже, чем вам?

АНКА Нет, зачем...

ПОЛКОВНИК Вот видите, значит вы полностью свободны от коммунизма. Не тронуты

коммуной. Абсолютно. А обо мне вы откуда узнали?

(Встает, возвращается на кухню, ставит чашки на блюдца, моет ложки,

возвращается к столику)

ПОЛКОВНИК Угощайтесь.

АНКА Спасибо, я без сахара. Это вы так говорили? И ваши знакомые?

ПОЛКОВНИК Не стесняйтесь, сахар есть... Что говорил?

АНКА Я пью без сахара. О большевизации. Что кто-то большевизирован, а кто-то

нет.

ПОЛКОВНИК С сахаром лучше. Без сахара кофе невкусный. Не стесняйтесь. Сахара у

меня хватает. Нет, ну откуда, я так даже не думал.

АНКА Но я, правда, пью без сахара.

ПОЛКОВНИК Невероятно. Впервые вижу человека, который пьет кофе без сахара... У вас

диабет?

АНКА Нет, просто не пью с сахаром. Но вот, если бы у вас сливки нашлись...

ПОЛКОВНИК Сливки? Сливки, значит?

АНКА Если не затруднит.

ПОЛКОВНИК Нисколько. Сливки, сливки, сливки, сливки? Сливки в холодильнике есть.

Я сейчас.

(Встает, уходит в комнату с застекленной дверью. АНКА,

воспользовавшись его отсутствием, достает из сумки диктофон, ставит

на столик, включает, делает пробную запись)

АНКА Вторник, двенадцатое октября, беседа с полковником Стефаном Колодеем,

отставным офицером военной контрразведки, квартира полковника.

(Останавливает запись, перематывает, включает).

АНКА (с диктофона) Вторник, двенадцатое октября, беседа с полковником Стефаном

Колодеем, отставным офицером военной контрразведки...

(Останавливает запись, поскольку возвращается ПОЛКОВНИК со

сливками в фарфоровом кувшинчике)

ПОЛКОВНИК Записывать хотите? Но мы так не договаривались.

АНКА Вы против? Можем не записывать.

ПОЛКОВНИК Можете не прятать, зачем так легко сдаетесь? Я ведь не такой еще

глубокий старик, чтобы мне во всем потакать, а, пани Анна? Чудесный

день для октября. Бабье лето.

АНКА Разумеется, не договаривались.

ПОЛКОВНИК Я же опытный офицер разведки. Хотите, чтобы я управлял беседой?

Нельзя так легко сдаваться. Конечно, можете записывать. Мне-то что? В

конце концов, у вас наверняка в сумке другой магнитофон, срабатывающий на голос, в сапогах третий, в волосах четвертый. Вы, журналисты, теперь ловкие настолько, что нам в разведке и не снилось. Не беспокойтесь, я не стану вас обыскивать. Кто вам обо мне рассказал?

АНКА Я ведь вам уже говорила. Кшиштоф Янковский.

ПОЛКОВНИК Янковский? Кшиштоф Янковский. Янковский, да? А вы знаете, что он

наполовину сумасшедший?

АНКА По-моему, он отличный репортер.

ПОЛКОВНИК Вот, уже лучше, вы уже мне не потакаете. Ладно, ладно, рассчитываю на

дружеский разговор. Но вам известно, что Янковский верит в теорию

заговора?

АНКА Чушь это все. Прошу прощения. Теории заговора не существует. Это

полностью изживший себя, пустой пропагандистский эпитет. Постарайтесь немного. Вы же, в конце концов, заслуженный разведчик. Я рассчитываю

на вашу серьезность.

(Наливает себе молока, перемешивает ложечкой).

ПОЛКОВНИК Ну, ну, доченька...

АНКА Тут уж тоже простите. Дочка, доченька... Я «девочку мою» слабо

переношу.

ПОЛКОВНИК А вы знали, что Янковский был сталинистом?

АНКА Какое это имеет значение? Мы собирались говорить о полковнике, о его

бегстве из страны, о работе на американцев. Янковский сказал, что вы его

знали, работали с ним... Или, точнее, над ним.

ПОЛКОВНИК Отрекся от своей семьи. У этих буржуев перед войной в Познани было три

магазина. А как утопил своего отца капиталиста, так его и приняли в Союз польской молодежи. А в СПМ не мог не поступить, потому что ни в

армию, ни в трудовой лагерь не хотел. Хотел учиться. Был даже вице-

председателем СПМ на факультете.

АНКА Очень приятно, что вы об этом вспомнили.

ПОЛКОВНИК Людей убивал, доносы писал на беспартийных профессоров, доводил их до

суда коллегии. Много людей из-за него кончили в ссылке, в лагерях, в

армии.

АНКА Он вас очень ценит. Говорит о вас с уважением.

ПОЛКОВНИК С уважением? Обо мне? Видите, какая завравшаяся сволочь. Охотно

разоблачал классовых врагов, людей с чуждым происхождением,

приказывал им постоянно переписывать биографии, а потом сам же их

исправлял.

АНКА Но он же был всего лишь студентом?

ПОЛКОВНИК Циничный сталинский прихлебатель. Он ведь, знаете, мой ровесник. Все

были слишком молодые, чтобы подыхать в лесу, но слишком старые,

чтобы верить в Сталина-Ясно-Солнышко.

АНКА Мы о полковнике собирались разговаривать, о его роли в падении стены...

в завершении холодной войны...

ПОЛКОВНИК Один не действовал, всегда в коллективе. Вы знаете, что такое коллектив?

Банда идиотов из Союза молодежи, подкрепленная парой лахудр из ПОРП. Актив. Если кто-то им не нравился, устраивали ему темную. Постоянное прослушивание. Дознания. Несколько прыщавых придурков в красных галстуках публично издевались над своим товарищем или ученым. Над своим учителем. Достаточно было просто ходить в костел. Или, если девушка не хотела дать такому активисту. Противно им было давать – хотя бы потому, что от них разило за километр. Грязные были. Ногти такие...

чернющие...

АНКА Зачем вы мне это рассказываете? Вы же сами всю жизнь прослужили

коммунистам. А Янковский, даже если и делал ошибки, то потом сполна за

них расплатился.

ПОЛКОВНИК Расплатился? Когда это?

АНКА Был интернирован во время военного положения. Вы последний человек,

который имеет право его судить.

ПОЛКОВНИК Герека тоже интернировали. Шидлак, Вращик, Пыка. Кто им эти имена

придумывал? Или – Грудень. Грудень скончался в интернате. Он тоже

герой? Вкусный кофеек?

АНКА Да, а что?

ПОЛКОВНИК Вы горький пьете. Я бы горький ни за что не выпил, ни за какие

сокровища.

АНКА А я вот пью.

ПОЛКОВНИК Я, знаете, посчитал – написал тогда больше тридцати своих биографий. Все

разные. И ни разу не ошибся. Принесу вам парочку. Вы же должны знать, с

кем разговариваете.

АНКА Но я знаю, с кем разговариваю. Знаю, кто вы. И кем вы были.

ПОЛКОВНИК Нет уж, как раз вот этого вы не знаете.

(Встает, уходит в комнату. Когда за ним закрывается дверь, АНКА достает из сумки бумажную салфетку, вытирает ей зубы, прячет. Осматривается, берет чашку, подходит к пальме в большой кадке. Слышно, как открывается замок на двери во вторую комнату, дверь приоткрывается. АНКА выливает кофе в кадку с пальмой. Из-за

приоткрытой двери доносится рычание пса. АНКА оборачивается, дверь

закрывается на замок. АНКА ставит чашку с остатками гущи на стол, подходит к двери, отклоняется, чтобы ее не было видно в глазок, слышит, за спиной шаги ПОЛКОВНИКА, оборачивается.

АНКА Хорошая у вас коллекция тарелок. Ручная работа?

ПОЛКОВНИК Говорят, ручная. Влоцлавек. Раньше больше было. Все с ума сходили по

Влоцлавку. Мода прошла, фабрика развалилась, людей выгнали на улицу.

(Подает ей два документа. Садятся)

ПОЛКОВНИК Еще кофе?

АНКА Нет, спасибо.

ПОЛКОВНИК А то вы так быстро выпили. Читайте, читайте. Может все-таки что-нибудь

покрепче?

АНКА Я на машине, я же сказала.

ПОЛКОВНИК Вслух читайте, особенно ту, старую. Просто шедевр.

АНКА «Родился на Замойщине 11 декабря 1934 года в семье безработного

наемного сельхозрабочего и ремесленницы». Это неправда?

ПОЛКОВНИК Дата рождения неверная, а все остальное вполне может быть. Теперь уже

никто этого не знает. Все остальное – чистейшая правда. Отец был

управляющим поместья, мать – гувернанткой. В декабре все

сельхозрабочие безработные. Вот сюда посмотрите, будьте добры...

(Подает ей другую биографию, с виду более новую)

АНКА «В феврале 1951 года принял присягу как член подпольной организации

«Орел и Меч», и вместе с товарищами приступил к выполнению заданий по саботажу и распространению антикоммунистической пропаганды». В

51-м было какое-то подполье?

ПОЛКОВНИК В Польше всегда есть какое-то подполье – последине лет двести, как

минимум. А тогда в каждой порядочной школе или приходе появлялись какие-нибудь группы сопротивления. Клички, присяги, конспирация, самиздат, надписи на стенах... Портреты срывали – Сталина, Берута, Рокоссовского. Нам повезло, попали к людям, которые объясняли что

делать. А может, это как было как раз невезение...

АНКА И чем вы занимались?

ПОЛКОВНИК Саботаж, пропаганда, русских пасли – их тогда в Варшаве было полно.

Потом по «Радио Лондон» передавали, например, что с такой-то актрисой забавляется такой-то генерал, исполняющий обязанности поляка. Или где шляется посол Лебедев. Или кто из них любит поразвлечься с парнями из ансамбля песни и танца. В итоге кто-то даже раскопал информацию о том, кто у Рокоссовского любовница. Так называемого маршала Польши. Смеху

было...

АНКА И кто она?

ПОЛКОВНИК Успокойтесь, она еще жива. У нее дети. Тоже живы. Одних только

внебрачных детей Берута в Польше проживает сегодня больше десятка.

Дикторш на радио брили.

АНКА В смысле?

ПОЛКОВНИК Машинкой, налысо, как обычно. Одевались прилично, цветы покупали, как

будто мы курьеры из цветочного магазина, и все. Налысо постричь – это же раз-раз и готово... Один держит, другой стрижет, третий зачитывает

приговор. Именем Польской Республики...

АНКА Но зачем?

ПОЛКОВНИК А зачем по всей оккупированной Европе остригали женщин, которые

немцам давали?

АНКА Они были изменницами, проявили нелояльность по отношению к своему

государству и народу.

ПОЛКОВНИК Вот именно. Мы тоже защищали государство. А в один прекрасный

сентябрьский день даже застрелили Мартыку. Вы, конечно, не знаете, кто

это был? Стефан Мартыка?

АНКА Знаю, диктор на радио – волна-49. Или что-то в этом роде.

ПОЛКОВНИК Выдающийся кадр. Невозможно было радио спокойно послушать, каждую

минуту эта его брехалка включалась: «Привет, привет, с вами волна-49».

Всех достойных людей оболгал. На Костел клеветал, на подполье.

Конечно, не он один, были и похуже, но попался именно он. После этого

убийства они там все ошалели, хватали всех подряд. Посыпались

репрессии: на процессе было вынесено пять смертных приговоров. Этих – всех пятерых студентов – убили, остальных посадили надолго, кто-то с ума

сошел, кто-то с собой покончил. Паршиво, правда?

АНКА Сталинское время... Период ошибок и просчетов.

ПОЛКОВНИК Да? Это определение все еще в ходу? Ошибки и просчеты? Это идиотизм,

называть убийство людей «ошибками и просчетами». Может, все-таки

выпьете чего-нибудь?

АНКА Я вас прошу, не беспокойтесь. Просто я не пью. Но я совсем не против,

если вы хотите выпить, господин полковник.

ПОЛКОВНИК Нет уж, извините, тоже не стану. Проверенная журналистская уловка –

думаете, поддаст старик и больше вам расскажет? Вы что же, за комуняку

меня держите, который правду только по пьяни может рассказать?

АНКА Ну что вы, господин полковник...

ПОЛКОВНИК Я вам и так все расскажу, безо всякой водки. К сожалению. Принял такое

решение.

АНКА Тогда расскажите, пожалуйста, когда вы впервые встретились с

полковником. Как вы познакомились?

ПОЛКОВНИК Раз водку вы не пьете, так может еще кофейку тогда? Пирожных не купил,

уж простите старика... Заводские терпеть не могу – непонятно, что в них

кладут. Не слыхали о начинке из крысиной шерсти?

АНКА Нельзя верить всему, что слышишь.

ПОЛКОВНИК Может, и нельзя. А в кондитерской ремонт – подтягивают к

евросоюзовской норме. Отдельно слив для яиц, отдельно для начинки, отдельно мужской гардероб, женский, левые ботинки сюда, правые туда...

АНКА Нет, я не хочу ни водки, ни кофе, ни пирожных, ни сахара. Я хочу, чтобы

вы начали говорить.

ПОЛКОВНИК Так я и говорю – после убийства того клоуна, эти придурки из спецслужб

посходили с ума: арестовывали всех подряд, кто под руку попадется. В итоге, под Рождество 1952 года повязали меня и мою группу, нас вместе

отправили на Пастерку. Среди нас оказался предатель.

АНКА Кто?

ПОЛКОВНИК Неважно. Он жив, и живет, надо сказать, неплохо. Тоже авторитет. В своей

отрасли. В какой-то степени. В свое время был для меня близким

человеком, это, наверное, называется друг... Как-то так, можно сказать...

АНКА Вы с ним встречались потом? После того, как вышли из тюрьмы? Ну, там,

в трамвае, или на улице?

ПОЛКОВНИК Нет, никогда. Били меня до Трех Королей. То есть, до 6 января 1953 года.

Конвейер, там, знаете, карцер, на табурет сажали, ставили по щиколотку в говно, пятки, пальцы, почки, и по кругу... В лицо плевали, волосы рвали... Что там еще... пробные расстрелы... Это все вам, конечно, известно. Об

этом и в книгах писали, и в газетах, даже фильм сняли. Это дела

очевидные. Не буду вас мучить.

АНКА Да, и читала, и слышала. А что случилось после Трех Королей?

ПОЛКОВНИК Я потерял счет времени. А они били дальше. Стойка, расстался с ногтями,

пятки ободраны были до костей. Спать заставляли при открытом окне. Голод, вши, смрад, кровоточащие раны, переломы. Да вы же сами все это

знаете. А то я вам уже, верно, надоел.

АНКА Вы мне не надоели.

ПОЛКОВНИК Признался я в конце января. А, может, это было начало февраля. Потом,

через два месяца, уже писал доносы. И какие – исчерпывающие, красивые, получилась бы неплохая повесть, а то и две. Сплошь отрицательные герои.

Реалистичная, естественно. Много людей сдал...

АНКА Друзей, знакомых?

ПОЛКОВНИК Друзья уже к этому времени сидели. Усугублять не имело смысла.

Незнакомых сдавал. Так проще было. Эти хоть потом не снились. У

незнакомых нет лица. В такой ситуации – это большой плюс.

АНКА Например?

ПОЛКОВНИК Спрашивали у меня про ксендза из Кельц. Я сказал, что он на исповеди

подговаривал меня убить секретаря партии в Островце, и его семью.

АНКА Подождите, при чем тут Кельцы?

ПОЛКОВНИК Там раскрыли шпионскую группировку. Это была совместная ватиканско-

лондонская сеть в курии епископов. А в Кельцах я в жизни не был, на исповедь ходил однажды, перед первым причастием. Мне за это должны были заплатить триста долларов, сто сразу перед коммунией, остальное – после. Доллар первый раз увидел в шестидесятых годах, на учениях.

Признался во всем. Мне было лет восемнадцать или девятнадцать, а может семнадцать. В феврале меня приговорили к смертной казни. Проходило все

в камере. Камерный процесс. Знаете, что это такое?

АНКА Да, слышала, приговоренного сажают на парашу.

ПОЛКОВНИК В моем случае это было ведро. Может, в какой-нибудь другой камере была

параша, но я сидел на ведре. Приговор привели в исполнение 7 марта. Человек в польском военном мундире застрелил меня в пивной на Кошиковой. В хорошую погоду с балкона это место видно. Это было 7 марта 1953 года. Он еще жив, этот человек. Спустя много лет мы с ним

водку пили ведрами. На встречах в союзе воинов. За свободу и

демократию! Вышло, что мы за одно и то же боролись. Он был бандит. Преступник. Во времена оккупации, еще немецкой, шантажировал евреев.

АНКА Мошенник?

ПОЛКОВНИК Крал, убивал, когда пришли Советы, вступил в органы. Только через

несколько месяцев я узнал, что за два дня до моего признания умер Сталин,

самое жуткий монстр в истории человечества.

АНКА А Гитлер?

ПОЛКОВНИК Гитлер? Без шансов. Этот хоть был красивее и фотогеничнее.

АНКА Странный у вас вкус. Вас помиловали? Я слышала, что после смерти

Сталина некоторые казни были отменены.

ПОЛКОВНИК Не помиловали. Застрелили. Потом уже, ночью, вместе с одним товарищем

из моей группы, полковником с «процесса генералов» и двумя солдатами из Народных вооруженных сил, меня вывезли на Служев. Бросили в могилу. Может, машины сейчас надо мной ездят, а может, кони скачут... Иногда задумываюсь над этим. И где я лежу? А может, повезло – закопали

где-нибудь под музыкальной школой.

АНКА Как это?

ПОЛКОВНИК Когда-то там было поле, а потом построили дома, ну, и школу

музыкальную. Целый день с товарищами слушаем, как дети поют. Как гаммы играют. «Пане Яне, пане Яне, встать пора, встать пора. Бьют

звоночки, бьют звоночки, динг, данг, донг»...

(Телефонный звонок. ПОЛКОВНИК подходит к аппарату, снимает

трубку)

ПОЛКОВНИК Колодей, слушаю... Здравствуйте. Да, пожалуйста.

(Кладет трубку на столик. Подходит к двери во вторую комнату, стучит

два раза, возвращается, подносит трубку к уху, держа ее слегка на

расстоянии, потом вешает на место)

ПОЛКОВНИК Динг, данг, донг.

АНКА Так вас завербовали? Перешли на другую сторону?

ПОЛКОВНИК Тогда я пропал, по-настоящему. Трус – это герой, которому чуть-чуть не

повезло. Как и многие другие, я понял, что благодаря стараниям Советов, я не имею значения. Коммунистам все равно, умру я, или останусь жив. Они манипулировали миллионами человеческих жизней. Дело им до какого-то одного поляка... Разумеется, у них были планы по убийствам: квартальные, годовые, пятилетние. Но один человек — это прыщ. В отличие от них, для меня моя жизнь имела значение. Огромное значение. Точно такое же, как и

ваша жизнь – для вас.

АНКА Вас завербовали в камере смертников?

ПОЛКОВНИК Верно. Офицер оказался довольно милым человеком. Говорил без акцента.

Ну, почти без акцента. Видно было, что долго работал в Польше. Не смягчал звуков, говорил «нормальне», а не «нормально». Практически поляк, немного только белорус. Только один раз сказал «пока что». Это, знаете, русское выражение... «Пока что оставим вас в живых. Младший

лейтенант Колодей, пока что...».

АНКА Младший лейтенант? Почему?

ПОЛКОВНИК Тогда я еще не знал.

АНКА Вы перешли на другую сторону? Почему?

ПОКОВНИК Почему? Вы не понимаете? Отдаете состояние на косметику, наверняка

ходите в спортзал, к врачу, не курите, пить бросили. Вы же это не ради Родины делаете, и не ради справедливости, и даже не ради Бога. Для себя вы это делаете. Чтобы как можно дольше сохранить молодость, здоровье,

красоту. Ваша жизнь тоже имеет для вас ценность. Неизмеримую.

АНКА Я вас не спрашивала, почему вы так поступили. Я спросила, для чего,

собственно, поступило такое предложение? Ведь не каждому давали такой

шанс.

ПОЛКОВНИК После смерти Сталина, тайные агенты первыми поняли, что пришло время

слегка разжать тиски. Может, чувствовали, что дальше уничтожать народ старыми методами уже не получится. Что живой может быть намного полезнее, чем мертвый. А вообще я не знаю, вы лучше их спросите.

АНКА Я вас спрашиваю – вы один из них. Почему они выбрали вас?

ПОЛКОВНИК Не знаю. Может, увидели во мне слабину. Наивность какую-то.

АНКА Наивных не берут в разведку.

ПОЛКОВНИК Он сказал – этот, без акцента – что он поляк, как и я, и что хочет спасти

меня и других достойных людей, ради будущего. Ради Польши. Дал

понять, что не всегда будет так, как есть.

АНКА Довольно избитая фраза.

ПОЛКОВНИК Так это было полвека назад. Тогда все было ново – террор, провокации,

шантаж. Потом меня другой обрабатывал, тот вообще производил впечатление довоенного интеллигента. Мол, лучшие погибли, мол, нужно спасать, что осталось из генофонда, чтобы история не закончилась. Что

моя служба Польше еще не кончена, только перейдет теперь в другую

форму.

АНКА И вы им поверили?

(Звякнул телефон, разговор в другой комнате закончился. ПОЛКОВНИК

подходит к аппарату, поднимает трубку – длинный гудок, вешает

обратно)

ПОЛКОВНИК Осенью 1953 года я поступил в высшую школу пехоты. В то же время

начал работу в службе военной информации, в контрразведке.

Неофициально. Понимаете, о чем речь?

АНКА Понимаю.

ПОЛКОВНИК Нет, не понимаете. Я стал младшим лейтенантом в офицерской школе. И в

то же время – профессиональным стукачом, которому положено следить за

своими друзьями. За людьми, с которыми я спал и ел в одном доме.

АНКА Но это была польская разведка, польская армия?

ПОЛКОВНИК Понятное дело. В Польской Республике только пельмени были русские.

Точно были. А все остальное – польское. На Чехословакию напали в интересах польского народа. Разумеется. И в рабочих стреляли тоже всегда

во имя рабочих. За убийством людей всегда стояла партия, которая и польская, и рабочая. НСДАП тоже была немецкая и рабочая. Национал-Социалистическая Рабочая Партия Германии. НСДАП только разве что

объединенной не была.

АНКА Я бы на вашем месте не стала сравнивать ПОРП с гитлеровской партией.

Коммунисты не уничтожали пол-Европы, и не начинали мировой войны.

ПОЛКОВНИК Серьезно? А кто напал на Польшу в сентябре 1939-го? Только немцы, или

кто-то им помог? А на Финляндию? Кто разгромил два континента – от

Польши до Вьетнама и Кореи?

АНКА В ПОРП было много порядочных людей.

ПОЛКОВНИК В НСДАП вы бы тоже выискали множество конформистов. Тех, кому

хотелось нацизма с человеческим лицом. Они были, например, против убийства психически нездоровых немцев. Некоторые, разумеется.

АНКА Вы сами были в ПОРП.

ПОЛКОВНИК Вот вам и прекрасный пример порядочного человека. Тайный офицер

военной информации. Агент, доносчик, местами провокатор. Знали бы вы,

что я выкидывал в 67-м, в 68-м, в 70-м. Может, еще кофейку?

АНКА Нет, спасибо. Вернемся в школу пехоты. Вы там познакомились с

полковником? Там впервые встретились?

ПОЛКОВНИК Полковник... Он тогда еще и поручиком, пожалуй, не был. Может, и видел

его пару раз. Но я не об этом собирался...

АНКА А я хотела именно об этом. О его значении в истории. И о том, что в

Польше он до сих пор является фигурой противоречивой. Мы о таком формате разговора договаривались – вы, господин полковник, и я.

ПОЛКОВНИК Договаривались? Вы все еще верите мужчинам, в вашем-то возрасте?

АНКА У меня нет времени на шутки. Особенно на старые.

ПОЛКОВНИК Никогда в жизни не осмелился бы с вам шутить. Вы – серьезный человек.

Серьезный журналист. Вас ведь явно не только потому полковник интересует, чтобы получить стипендию в Америке, а при случае издать бестселлер. Может, не такой популярный, как поваренные книги, но почти. Вы – серьезный человек, и к миру относитесь серьезно, как и я, поэтому я

хочу, чтоб вы меня выслушали.

АНКА Я вас слушаю, господин полковник, но не очень понимаю, к чему вы

клоните. Мы собирались говорить о другом человеке, не о вас.

ПОЛКОВНИК Хотя выехать бы вам не помешало. Лишние деньги тоже, конечно, но,

прежде всего выехать. Любому разумному человеку необходимо время от времени вырываться отсюда, из Польши. Я вам говорю. Почувствовать расстояние, отдохнуть, подышать другим воздухом. Надо подумать о какой-нибудь хорошей стипендии. Может Фулбрайт или Фонд Костюшко.

Надо подумать.

АНКА Я никуда не собираюсь.

ПОЛКОВНИК Вас с детства родители отправляли на курсы английского. Есть разные

хорошие журналистские гранты, частые встречи с политиками, практика на CNN или в большой газете. Большие суточные. Не какое-нибудь дерьмо для бумагомарателей. Нормальные гостиницы, а не притоны для студентов из стран третьего и четвертого мира. Издали бы книгу журналистских расследований — Киссинджер, Буш-старший, Тед Кеннеди, Подгорец, Джимми Картер, Березка, естественно. Вам бы этого хватило на всю оставшуюся жизнь. Здесь.

АНКА Вы пытаетесь дать мне понять, что можете организовать мне стипендию в

Штатах? Вы, отставной офицер народной армии?

ПОЛКОВНИК Ага. Ох, быстра водица... Именно это я и пытаюсь до вас донести. Вы

удивлены? Вы вправду не верите, что тайные службы могут помочь в этом

деле? Вам сколько лет?

АНКА Мы живем в свободной стране...

ПОЛКОВНИК Несомненно. Но о ком-то позаботиться еще можно. Кого-то протолкнуть,

кого-то устранить. Вы не верите, что у меня есть такие возможности?

АНКА Неважно, во что я верю, а во что нет.

ПОЛКОВНИК Как раз это и важно. Не для вас, для ваших читателей. То, как вы видите

мир, много значит для других людей. Вы – их глаза и уши. Если бы не

Франц Кафка, многие из нас так и не ощутили бы трагизма и

бессмысленности бытия.

АНКА Вы и литературный теоретик, оказывается. Может, еще и великий

языковед?

ПОЛКОВНИК Браво! Вы, я вижу, имеете понятие об истории. Может, все-таки, хотите

узнать, кто я на самом деле? Как прожил жизнь, чем занимался?

АНКА Прошу прощения, у вас наверняка в запасе множество забавных баек. Но,

прежде всего, меня интересует полковник.

ПОЛКОВНИК Он полковник, я полковник. Он служил, и я служил. Разве не все равно?

АНКА Мне очень жаль, но нет.

ПОЛКОВНИК Я же пошутил. Разочаровываете вы меня, пани Анна. Вас, журналистов,

ведь тому же самому учат, что и нас – дай выговориться.

АНКА Меня никто не учил журналистике. По крайней мере, такой.

ПОЛКОВНИК Может, это и к лучшему. А, тем не менее, в 53-м году, спасая свою шкуру,

я нарушил тайную присягу, предал друзей и Родину. Приступил к работе во благо иностранного засилья и человекоубийственной системы. Вам не

скучно?

АНКА К чему вы клоните?

ПОЛКОВНИК Это было весной 53-го... Уже после корейской войны, после резни и

голодной смерти миллионов украинцев. После вывоза и уничтожения солдат Армии Крайовой. Конечно, я знал, кто стрелял в Катыни. Все знали. У Советов уже было ядерное оружие. Уже несколько месяцев, как я стал совершеннолетним, и не мог оставаться в стороне — Советы собирались уничтожить мой народ, а в глобальном плане — подмять под себя весь мир.

Они даже не скрывали этого – кричали о всемирной революции,

освобождении рабочих масс. Под словом «революция» имелась в виду ликвидация классового общества и народов, а это означает геноцид. Освобождение рабочих масс — это, на их языке, — всеобщий рабский труд.

Вы слышали о Камбодже? Об архипелаге ГУЛАГ?

АНКА К чему вы клоните?

ПОЛКОВНИК Сколько на этой кассете? Перевернуть не надо?

АНКА Там автореверс – она сама перевернется.

ПОЛКОВНИК Тогда хорошо. Вы ведь пока не догадываетесь, я вижу.

АНКА Это шпионам можно догадываться, а журналист должен знать. Чего вы

хотите?

ПОЛКОВНИК Хочу нового Нюрнберга. Вот и все. Не хочу вас оскорблять, спрашивая,

знаете ли вы, что это такое.

АНКА Хотите Нюрнберга для коммунистов? Это все? И как вы собираетесь это

осуществить?

ПОЛКОВНИК Нюрнберг для коммунистов – а что, звучит неплохо. Но в моем возрасте не

пристало ставить себе такие высокие цели. Я вообще не против

коммунистов.

АНКА Чего вы хотите, полковник?

ПОЛКОВНИК Хочу Нюрнберга для себя. Хочу, чтоб меня судили.

АНКА Вы?

ПОЛКОВНИК Да, я. Я уже сказал – я предал Родину. Принимал участие в работе

репрессивного механизма предательской системы. Убивал людей. Не только в пятидесятых. Я хочу, чтобы меня судили. У меня ведь есть на это

право?

АНКА Наверное, да. Вы мне все рассказываете, я это публикую, и выставляю на

суд общественного мнения. Вы так себе это представляете?

ПОЛКОВНИК Очень жаль. Вы не поняли меня. Речь идет не о каком-то моральном

осуждении или политическом. Я говорю про обычный суд. По делу о преступлении против человечества. С прокурором, судьей и адвокатом.

Суд с приговором во имя Республики. Обычный суд. Перед каким

предстают убийцы и насильники. У меня так же, как и у них, есть право на

справедливый процесс. Единственное – кто-то должен подать заявление о преступлении. И это будете вы, пани Анна. Именно вы.

АНКА Я? Почему я?

ПОЛКОВНИК А почему не вы?

АНКА Мы зря теряем время. Я не собираюсь ни на кого писать доносы. Не

доносила, не доношу и доносить не буду.

ПОЛКОВНИК Речь не о доносе. На меня не надо доносить. Хватит заявления о

преступлении.

АНКА Это то же самое.

ПОЛКОВНИК Если бы вы встретили на улице убийцу – убийцу, которого разыскивает

полиция, человека, которого вчера показывали в 997, вы разве не сообщили

бы в полицию?

АНКА Это совершенно другое. Вы не разыскиваемый преступник.

ПОЛКОВНИК Нет, но должен быть.

АНКА Это не мое дело...

(Уже подходит к двери, возвращается за диктофоном, ПОЛКОВНИК

остается на месте. АНКА возится с многочисленными замками)

ПОЛКОВНИК Это ваше дело.

AHKA Het.

ПОЛКОВНИК Да.

AHKA Het.

ПОЛКОВНИК Вас не интересует, как я убил майора Михала Визнера?

(АНКА отходит от двери)

АНКА Вы знали моего отца?

(ПОЛКОВНИК достает из кармана орден)

ПОЛКОВНИК А как же. Это я его устранил. Прикончил. Вот, пожалуйста, орден

сорокалетия Польской Народной Республики, 1984 год. Это за него. Ваш отец погиб в феврале? В феврале. А орден мне дали 22 июля. Полагаете,

это тоже только моя проблема?

АНКА Кто вы такой?

ПОЛКОВНИК Полковник Стефан Колодей – я уже представлялся. Я получил

рекомендацию убрать Михала из армии. Тихо, без шума и, по сути, без

процесса. Ну, и убрал. В каком-то смысле.

АНКА Рекомендацию? В армии это называется приказ, насколько я знаю. Кто

отдал этот приказ?

ПОЛКОВНИК Никто. Это витало в воздухе, фразочки такие бросались, аллюзии: «Что это

он там делает до сих пор?». Невинные вопросы перестают быть

невинными, когда их задает генерал. Или советский полковник. Пачка

авансом, никаких отметок.

АНКА Кто отдал вам приказ уничтожить моего отца?

ПОЛКОВНИК Не было никакого приказа. Вы же знаете, что его по определению быть не

могло. Атмосфера такая была...

АНКА Приказа не было?

ПОЛКОВНИК Нет.

АНКА Значит, это вы сами решили, и никто другой?

ПОЛКОВНИК Я. Конечно, я. Теперь вы подадите заявление о преступлении? Хотите

знать, что в вашей жизни происходило на самом деле, а что – разыграно по

сценарию спецслужб?

АНКА Хорошо, я достаю диктофон. Расскажите о моем отце. И закончим.

ПОЛКОВНИК Нет, не нужно доставать. Или я рассказываю все, или ничего. Не вы

диктуете условия, пани Анна. До свидания. Возвращайтесь, когда

надумаете. Я не шучу. Я на самом деле его убил. До встречи.

АНКА Но я должна знать.

ПОЛКОВНИК Я ясно сказал – все или ничего. Мы договорились...

Сцена 2

(АНКА и ПОЛКОВНИК отходят от двери. АНКА вешает плащ, кладет зонтик)

ПОЛКОВНИК Только не говорите мне, что идет дождь.

АНКА Не говорила бы, но идет. У меня голова мокрая?

ПОЛКОВНИК Нет, садитесь, пожалуйста.

АНКА А то вы так присматривались.

ПОЛКОВНИК Присматривался? Вам показалось...

АНКА Присматривались. Мне не показалось.

ПОЛКОВНИК Вы превратились в красивую женщину. Я, в моем возрасте... Вам

показалось. Я не присматривался.

АНКА Хорошо.

ПОЛКОВНИК Кофе выпьете? Я специально купил аппарат, чтобы вам не пришлось

выливать.

АНКА Никто не выливал... Вам показалось.

ПОЛКОВНИК Вылили-вылили, ничего страшного. Не поможете мне, прошу вас...

(АНКА и ПОЛКОВНИК подходят к шкафчику, ПОЛКОВНИК ключом открывает дверцу, достает аппарат для кофе. Она помогает ему, ищет

розетку, вместе включают и т.д.)

ПОЛКОВНИК Пропустили рюмочку для храбрости, или это такие крепкие духи?

АНКА Что-что?

ПОЛКОВНИК Мне показалось, что спиртным пахнет. Я только спросил.

АНКА Это не ваше дело. Крепкие духи.

ПОЛКОВНИК Я так и подумал. Вы уверены, что это так делается?

АНКА Уверена. Посмотрите на картинку – вот фильтр, вот выбор опций, двойной

эспрессо, вот тут кнопочку нажимаем – и готово.

ПОЛКОВНИК Воды, наверное, надо налить.

АНКА Ну, конечно, воды.

ПОЛКОВНИК Я и говорю, воды. Хватит?

АНКА Он сам остановит. Можете полный наливать.

ПОЛКОВНИК Ты смотри, какой умный... Хитрюга итальянский.

(Стоят близко друг к другу)

ПОЛКОВНИК Можно вашу руку?

(Осторожно берет ладонь АНКИ, рассматривает ее, словно хиромант, не

делая никаких резких движений)

ПОЛКОВНИК Вы знаете, как вырывают ногти? Это совсем не так просто, как кажется.

Их, наверное, специально этому учат.

(АНКА резко вырывает руку)

АНКА Не имею понятия.

ПОЛКОВНИК А я знаю. Я имею. Интересно, как можно такому учить?

АНКА Прекрасный кофе.

ПОЛКОВНИК Не слишком слабый? Можно было еще подсыпать...

АНКА В самый раз.

ПОЛКОВНИК Я рад.

АНКА Чему?

ПОЛКОВНИК Что вы не сломались. Не начали снова пить.

АНКА Откуда вы знаете, что я пила?

ПОЛКОВНИК 499 злотых – столько я отдал за автомат. Специально для вас купил. Чтобы

напоить вас хорошим кофе. Я знал, что вы вернетесь. Знаю, что вы

выпивали. Знаю о вас...

AHKA Bce?

ПОЛКОВНИК Нет, не всё, но столько, сколько нужно.

АНКА Мы собирались говорить о моем отце.

ПОЛКОВНИК Это потом. Папочку оставим на десерт. Диктофон.

АНКА Простите?

ПОЛКОВНИК Будьте добры, достаньте диктофон.

АНКА Хорошо.

(Достает диктофон, он его включает)

ПОЛКОВНИК Хотите знать, почему у вас начались проблемы со спиртным? Почему вы

никому не доверяете? Почему вы развелись?

АНКА Пила, потому что любила, а развод не вы мне устроили.

ПОЛКОВНИК Вы уверены? Ваш муж стал корреспондентом частного радио в Брюсселе.

Европа — замечательное место. Кто-то позаботился о том, чтобы его бывшая девушка получила место в штаб-квартире своего банка. А у этого банка, поскольку он французский, штаб-квартира в Париже. Ее семья тоже как раз распалась. Париж — Брюссель, два часа бесплатной автострадой. У

них уже двое детей, вы знаете?

АНКА Знаю – это тоже вы организовали?

ПОЛКОВНИК Вы, похоже, об этом не сожалеете. Он ужасный человек, он вас не

заслуживал. Стажерки, секретарши – здоровье-то позволяет. Нужно было с этим покончить, иначе было бы поздно, он бы испортил вам лучшие годы

жизни. Вот мы и предоставили ему такую возможность.

АНКА Кто вы такой?

ПОЛКОВНИК А ксендз, что посоветовал вам пойти на встречу в Клуб анонимных

алкоголиков? Кто его заставил это сделать? Полагаете, Святой Дух?

АНКА Да, Святой Дух. Не вы же.

ПОЛКОВНИК Я. Вы были неверующей, не ходили в костел. И вдруг на вашем пути

появляется ксендз... Может, кто-то к вам его послал?

АНКА Послал меня к нему...

ПОЛКОВНИК Сейчас припомню – Кшиштоф Янковский. Не удивительно – сам

алкоголик. Не пьет уже почти пятнадцать лет.

АНКА Кшиштоф этого не скрывает. Он даже книгу написал о том, как выйти из

запоя.

ПОЛКОВНИК Я читал все, что он написал. Не только то, что пошло в печать. Понимаете?

AHKA Het.

ПОЛКОВНИК Понимаете. Вы помните, что это он отправил вас ко мне?

АНКА Что вы хотите этим сказать?

ПОЛКОВНИК Я уже сказал. Когда вы нанимались на работу в газету, у вас кто-нибудь

требовал рекомендации? Помните, кто их вам дал? Дайте-ка вспомнить – выдающийся польский писатель, даже уже не репортер, интернированный

при военном положении, член подпольного руководства союза

журналистов – ваш неформальный опекун, попечитель... В телепередачу

тоже вас пропихнул – «Комментарий дня» – так это называлось...

АНКА «День прошел». Так это называлось.

ПОЛКОВНИК Вы сделали себе лицо, фамилию, заработали на машину, права... А на них

вы сдали, между прочим, с первой попытки. Тридцать сдающих – одна вы с первого раза. Одна единственная. Без взяток. Помните? Экзаменатор был не слишком строг. Бывший воздушный десантник. Такой, на грача похож.

Другим девушкам предлагал чайку, кофейку, мороженое. А вам не предлагал? Почему? Вы, вроде, ничем не хуже других. Помните?

АНКА Нет, простите, это было очень давно.

ПОЛКОВНИК Экзаменатор вас как будто побаивался. До такой степени, что закрыл глаза

на то, что вы явились невеселе. На экзамен по вождению. Это вы помните?

О таких вещах обычно забывают.

АНКА Контрразведка помогла мне получить права? Экзаменатор был ваш?

ПОЛКОВНИК Может, да, а может и нет. Видите, как легко поверить во всемогущество

спецслужб.

АНКА Я не верю.

ПОЛКОВНИК Может, вы потом похвастались подруге на работе, что, мол, такой

хороший, вежливый экзаменатор, к красивым девушкам хорошо относится. Она пошла, а он к ней совсем по-другому отнесся. Пришлось идти с ним есть мороженое, а потом к нему... Она очень расстроилась. А вам помог.

Было такое?

АНКА Я не помню.

ПОЛКОВНИК Ну-ну, врать мы не умеем. В коммуне вы бы пропали в первый же день.

Вранье – это фундамент коммунизма. Вранье и скука.

АНКА Меня легко заставить скучать, вам это уже удалось.

ПОЛКОВНИК Та подруга вам уже на подруга. А может, вы об этом рассказывали на

встрече «анонимных»? Тогда вы еще помнили. Может быть, у кого-то из

наших тоже проблемы со спиртным.

АНКА Подло и недостойно подслушивать людей, которые пытаются справиться

со своей смертельной болезнью.

ПОЛКОВНИК Подло? Недостойно? Вы не напомните, что значат эти слова?

АНКА Давайте без глупостей, полковник.

ПОЛКОВНИК Вернемся к вашему опекуну – Янковскому. Кшиштоф Янковский, и

многим это известно, прекрасно мог бы обходиться без женщин. Когда-то таких называли «педераст». У него есть жена и дочь, но я все знаю, и вы тоже знаете... Так что, думаю, как женщина вы ему не интересны. К тому же разница в возрасте, напомню – он мой ровесник. Слишком молодые, чтоб идти в леса, слишком старые, чтобы верить Сталину-Ясно Солнышко. И не родственник вам вроде. Вообще, можно предположить, что он вам

помогает просто так.

АНКА А может, он помогает, потому что у меня есть способности? Может, он

хочет воспитать хорошую, достойную журналистку? Вы сами говорили,

что меня цените. Этого вы не допускаете?

ПОЛКОВНИК Нет, пани Анна. Давайте прекратим играть в игры. Я не думаю, я знаю,

почему он вам покровительствует. Кшиштоф – я вам уже говорил, что не

уважаю его – помогает вам потому, что я его об этом прошу.

АНКА Вы?

ПОЛКОВНИК Я. Уже много лет.

АНКА Зачем?

ПОЛКОВНИК Вообще-то я мог бы ему приказывать. За счет коммунистов, Кшиштоф

много поездил – снимал фильмы о дикарях: завтрак у Пигмеев, танцы Маорисов, славные войны племен черной Африки на славные деньги Советского Союза. Полагаете, он ездил, потому что знал языки?

АНКА Военные корреспонденты были всегда.

ПОЛКОВНИК Он был нашим человеком. А конкретно – моим. Поэтому и сейчас делает

то, о чем я его прошу. Если бы не делал, я бы начал нервничать. Зачем ему

это? Как у любого успешного человека, у него достаточно врагов. Информацию о его сотрудничестве с тайной службой Польской Республики съели бы с аппетитом, с особым аппетитом. Его рапорты

частично касаются и его нынешних друзей.

АНКА Вы его шантажируете?

ПОЛКОВНИК Я просто его прошу.

АНКА Зачем? Зачем вы это делаете?

ПОЛКОВНИК Я уже сказал. Я убил вашего отца.

АНКА И поэтому решили сделать мне карьеру? И даже права?

ПОЛКВНИК Да, именно поэтому. И жилищный кредит – тоже я. У вас не было

постоянного дохода, а вы получили самую низкую процентную ставку из

всех возможных, без посредников.

АНКА Это не Янковский выдал мне кредит.

ПОЛКОВНИК Об этом позаботился зять одного нашего офицера – заместитель

руководителя отдела банка. Вы посоветовали этот банк одной своей знакомой паре. Мол, такой приятный сотрудник, всегда провожал вас до

двери. Посоветовали?

АНКА Да.

ПОЛКОВНИК А он их отправил. Хотя у них была недвижимость и квартиранты. Они уже

тоже вам не друзья.

АНКА Дружба заканчивается, это обычное дело.

ПОЛКОВНИК Не всегда. Наша, например, никогда не закончится.

АНКА О чем вы говорите?

ПОЛКОВНИК О нашей с вами дружбе. Она никогда не закончится. Вам придется, пани

Анна, с этим смириться, что ваш единственный друг – каналья, убийца, кто

угодно.

АНКА Вы мне не друг.

ПОЛКОВНИК Еще какой. Мы оба знаем, что я ваш единственный друг. Единственный

человек, на которого вы можете рассчитывать.

АНКА Это неправда!

ПОЛКОВНИК Правда. К сожалению.

AHKA Het.

ПОЛКОВНИК Да. Помните? Вы были с мамой в доме отдыха «Орлик», на Анталовке.

Папа должен был приехать позже. Помните свои первые шаги на лыжах? У вас были лыжи «Пчелка Майя». Вы так и не научились кататься. Вы

больше никогда не ездили в Закопане.

АНКА Неправда, была на Новый год, три года назад.

ПОЛКОВНИК Значит, мне не все известно. В комнате был телефон. Вечером позвонили.

Попросили вашу мать, чтобы она спустилась к телефону в кабинете

заведующего домом отдыха. Мамы долго не было, с вами играла знакомая,

жена друга вашего отца. Во что вы играли?

АНКА У них не было своих детей, она не знала никаких игр, мне пришлось ее

учить.

(За дверью с замками лает пес, скребется в дверь. АНКА слышит, смотрит на ПОЛКОВНИКА, он продолжает, как ни в чем не бывало)

ПОЛКОВНИК Когда мама вернулась, вы уже спали.

АНКА Я притворялась.

ПОЛКОВНИК Притворялись. Утром мать отвезла вас в Лодзь, точнее – в Сокольник,

дачный поселок под Лодзью. К своим родителям – вашим бабушке и дедушке. Вы там остались. Похороны были скоро, спустя два дня. Мать забрала вас с собой, хотя бабушка с дедушкой были против. Вам было

восемь лет.

АНКА Почти девять.

ПОЛКОВНИК Там я вас впервые и увидел. С тех пор стараюсь вам, скажем так, кое в чем

способствовать.

АНКА Вы – чудовище, если это правда.

ПОЛКОВНИК Правда. Ну, да... Я – чудовище. Есть мне место на аллее героев?

АНКА Там разные лежат.

ПОЛКОВНИК В лицее вы познакомились с парнем, который принимал наркотики, Марек

Макиварек. Мы его удалили из вашего окружения. Его отец, к счастью, работал на железной дороге, и мы назначили его директором «Варса» в

Гданьске. Этого оказалось недостаточно. Вы продолжали к нему

приезжать. Тогда мы втянули вас в спорт. Баскетбол в спортивном центре на Конопницкой.

na Ronomingkon.

АНКА

ПОЛКОВНИК Тренер говорил, что вы даже двутакту не можете научиться. Ну, это даже я

умею. Мы перевели вас в «Легию» – современное пятиборье, которое

раньше называлось офицерским.

АНКА Зачем вы это делали?

(Снова гавкает пес, скребется в дверь)

Я была бездарностью. Баскетбольной.

АНКА Может, выпустить ее?

ПОЛКОВНИК Кого выпустить?

АНКА Собаку. Там собака закрыта.

ПОЛКОВНИК Потерпит.

(Бьют часы с кукушкой. Полковник смотрит на свои наручные).

ПОЛКОВНИК Вы должны мне дать слово чести. Что вы напишете на меня донос.

Заявление о преступлении. У одного из нас двоих должна быть честь.

Прошу вас дать слово чести, что вы это сделаете.

АНКА К чему этот пафос?

ПОЛКОВНИК Пафос? Что-то я утомился. Простите, силы не рассчитал. Возраст уже не

TOT.

АНКА Вы должны мне сказать.

ПОЛКОВНИК Вы правы. Собаку нужно выгулять. Видите ту коробку?

(Показывает на картонную коробку).

АНКА Что это?

ПОЛКОВНИК Подарок. Папки, документы, записи, снимки. Пожалуйста, не стесняйтесь.

(АНКА подходит к коробке, начинает просматривать папки,

фотографии)

ПОЛКОВНИК Нет, нет, там нет ничего, что касается вашего отца.

(Она отходит от коробки)

ПОЛКОВНИК Хотя... Хотя, может, что-то и затесалось...

(АНКА возвращается обратно к коробке)

ПОЛКОВНИК Нет, точно ничего нет.

(Отходит опять)

ПОЛКОВНИК Заберете все это домой и спокойно опишете мою жизнь и деятельность.

Потом, вместе с доказательствами, занесете в военную прокуратуру. Если

вас не будут пропускать, позвоните, я вам помогу.

АНКА Нет, донос...

ПОЛКОВНИК Я вас умоляю... Суды сейчас справедливые. Обвиняемые имеют право на

защиту. Мне ничего не угрожает, кроме справедливости. Я больше не хочу прятаться. Вы – мой единственный шанс. Только к вам я был добр. Только

вы можете меня отблагодарить за что-то.

АНКА Я вас ни о чем не просила. Не просила, чтоб вы меня опекали.

ПОЛКОВНИК Вам известно, что такое освенцимская ложь?

АНКА Да, известно.

ПОЛКОВНИК И что же это такое?

АНКА Отрицание нацистских преступлений. Отрицание существования газовых

камер, крематориев. И так далее.

ПОЛКОВНИК И так далее... Но это же преступление, вы знаете? В большинстве

цивилизованных стран за это можно угодить в тюрьму.

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК Ничего. Вы должны мне помочь. Вы должны меня спасти.

АНКА Отправив вас за решетку?

ПОЛКОВНИК Это суд меня отправит, а не вы. Когда это до вас дойдет, наконец?

АНКА Я все понимаю, но не хочу.

ПОЛКОВНИК Вы обязаны мне помочь, пани Анна. Именно вы. Это расставит все по

своим местам. Это будет справедливо.

АНКА Вы совершили преступление против человечества?

ПОЛКОВНИК Даже если нет, это будет стоить мне статьи о преступлениях, которые по

политическим мотивам не рассматривались в судах Польской Республики.

АНКА Вы говорили об убийствах. Сколько человек вы убили?

ПОЛКОВНИК Иногда не количество имеет значение, а качество. Думаю, потянет на

приличный приговор.

АНКА Вы хотите, чтобы вас приговорили?

ПОЛКОВНИК Я прошу вас, дорогая пани Анна, деточка моя, признание меня невиновным

скомпрометировало бы суд. Это был бы скандал.

АНКА Одни скандалом больше, одним меньше.

ПОЛКОВНИК Я хочу в тюрьму. Мне должны дать каких-нибудь восемь, может,

двенадцать лет. То есть, скорее всего, до конца. Я хочу в тюрьму, пока еще

могу. Пока ко мне не стали испытывать жалость.

АНКА Не понимаю.

ПОЛКОВНИК Все вы понимаете. Вы умный и серьезный человек. Для вас важна правда.

Вы не такая, как ваши коллеги с телевидения. Дети-мимозы, у которых молоко на губах не обсохло. Им дела нет ни до чего, что было до них – ни

черта не понимают и еще гордятся этим.

АНКА Дети-мимозы?

ПОЛКОВНИК Да, сидят там за своими столами, как мимозы. Бездумные дети-цветы.

«Сегодня господин президент посетил в Мшченове двухголового теленка,

а господин премьер посмотрел что и как в Хожове».

АНКА Не думаю, что все так плохо. Есть и хорошие журналисты.

ПОЛКОВНИК На самом деле, все всегда хуже, чем вам кажется. Вы понимаете, о чем я?

АНКА Нет. Не знаю зачем вы вообще все это говорите.

ПОЛКОВНИК Я говорил, что хочу, чтоб меня судили. В Бога я не верю – если бы попал

на Страшный суд, я бы, как минимум, удивился. Я хочу, чтоб меня судили, и не исторически, а в независимом суде Польской Республики – нашей

родины. Повторяю: я хочу предстать перед судом.

АНКА Мне кажется, вы, полковник, слишком большое значение придаете своей

персоне.

ПОЛКОВНИК Повторю еще раз: я предал родину, убивал людей, сознательно помогал

Советскому Союзу и способствовал росту его влияния в Польше. Может, и были люди хуже меня, они, наверное, более известны. Им удается жить в Польше без мук совести и без расплаты. А мне не удается. Я хочу, чтобы

меня судили.

АНКА Неужели вам настолько скучно?

ПОЛКОВНИК Вы пытаетесь меня вывести из равновесия?

АНКА Простите, господин полковник, но почему бы вам спокойно не дожить

свои дни? Я слышала, вы любите охотиться, часто катаетесь на яхте,

путешествуете...

ПОЛКОВНИК Мое место не на яхте и не на пляже в Тунисе. Мое место в тюрьме.

АНКА Здоровье у вас в порядке. И пенсия хорошая...

ПОЛКОВНИК Пенсия энкавэдэшная – ее бы на целую семью хватило. Многодетную.

Ваша задача – сделать так, чтобы у меня ее, в юридическом порядке,

отобрали.

АНКА Вы можете сами от нее отказаться.

ПОЛКОВНИК Вы не понимаете. Есть люди, которым не позволительно совершать

буржуазные жесты. Это все равно, что устроить аукцион в пользу детского

дома, на котором продают картины Гитлера.

АНКА Гитлер писал картины?

ПОЛКОВНИК Он был постимпрессионистом. Приличным. Меня должны лишить звания и

исключить из армии. Я не хочу, чтобы на моих похоронах играл военный оркестр. Не хочу некрологов от товарищей по службе. И почетных орденов

тоже не хочу.

(ПОЛКОВНИК встает, подходит к секретеру, достает оттуда старую

металлическую коробочку, возвращается к столику)

АНКА Вы больны? А то, я смотрю, вы собственные похороны продумали до

мелочей.

ПОЛКОВНИК Это все мне, к сожалению, положено по регламенту. Пока я еще

полковник. А почетная компания пусть отправляется пить пиво.

АНКА Можете написать в завещании, что отказываетесь от воинских почестей...

ПОЛКОВНИК Вот, пожалуйста, Кавалерийский крест возрождения Польши! Какого

возрождения, какой Польши?! Золотой Крест за заслуги, бронзовый; серебряный тут еще где-то затесался; медаль 25-летия Польской Народной Республики, за март и за Чехословакию; медаль тридцатилетия, за декабрь; золотой орден заслуженного деятеля Товарищества Польско-Советской Дружбы, за образцовую работу по русификации солдат. Грюнвальдский

Крест – я что, с крестоносцами воевал?

АНКА Может, вам к доктору обратиться? К психиатру, я не знаю...

ПОЛКОВНИК Вы пытаетесь меня оскорбить? Вот еще: медаль за смелость и отвагу – в

68-м вытащил ребенка из землянки в Градце Краловым. Простудился. Заслуженный защитник родины. Хотите, вам подарю? Офицерский крест возрождения Польши – это уже в свободной Польше получил. «Polonia

Resituta» написано. Хотите себе что-нибудь из этих железок?

АНКА Я не пытаюсь вас оскорбить. Это такая же болезнь, как и все остальные.

ПОЛКОВНИК Я самый вменяемый человек в этом мире.

АНКА Тем более, вам нужно обратиться к доктору. Пусть он это подтвердит.

Просто так.

ПОЛКОВНИК Я могу предстать перед судом. Я совершенно вменяем. К счастью,

совершенно.

АНКА Вы-то может быть, а ваши мысли? Ни один нормальный человек не хочет в

тюрьму, никто не хочет терять награды и звания. Все хотят жить хорошо.

ПОЛКОВНИК Я – не все.

АНКА Тогда, может, вам лучше с прокурором поговорить?

ПОЛКОВНИК Я пробовал. Он мне предложил написать мемуары. Молодой такой. Какое я

имею право писать мемуары? Мои жертвы уже никогда не напишут ни слова. Какой смысл будет в этой книге? В том, что работа убийцы хорошо оплачивается? Предавать родину – прекрасно? Еще и гонорар бы получил.

Мне что на него – дачу покупать? Поле Гончара?

АНКА Чье поле?

ПОЛКОВНИК Поле Крови, неважно... Я никогда этого не сделаю.

АНКА Вам нужно просто пойти и признаться.

ПОЛКОВНИК Если я сам сознаюсь в совершенных преступлениях, это воспримется как

смягчающее обстоятельство. Боюсь, мне дали бы тогда условный срок или помилование. Чепуха. Нет, это должно быть сделано кем-то со стороны. Кто-то должен подать заявление о преступлении. И это будете вы, пани

Анна. Возьмите себе эту коробку.

АНКА Что в ней?

ПОЛКОВНИК Убитые люди, разрушенные карьеры, семьи. Коммунистическая дрянь.

АНКА Это не мое дело...

(Подходит к двери, возится с многочисленными замками)

ПОЛКОВНИК Это ваше дело. Вашего отца оставим на десерт. Объясняю вам, как

маленькому ребенку: не съешь обед – не получишь десерт.

АНКА Обед – эта коробка?

ПОЛКОВНИК Да. Вы – гражданка свободной демократической страны. Правового

государства. И как у любого гражданина у вас есть не только права, но и обязанности. В конце концов, представьте себе, что вы встретили на улице

убийцу-фашиста.

АНКА К счастью, у меня нет знакомых гитлеровцев. Никаких нацистских убийц.

Как вы догадываетесь, мне для этого слишком мало лет. Мне пора.

Выпустите меня, будьте добры.

ПОЛКОВНИК Однако знакомый коммунист-убийца у вас уже есть.

АНКА Это ваши проблемы. Я не обязана это выслушивать и не обязана здесь

находиться.

ПОЛКОВНИК Разумеется, не обязаны. Вы не обязаны меня выслушивать. Не съещь обед

– не получишь десерт.

АНКА Вам доставляет удовольствие издеваться надо мной?

ПОЛКОВНИК Да, именно. Я всю свою сознательную жизнь только и делал, что издевался

над людьми. Вымещал на них свою месть. За себя. За свою измену. За

подлость и жестокость. Да. А теперь буду мстить вам.

АНКА Вы – подлый...

ПОЛКОВНИК Вижу, мы начинаем достигать взаимопонимания...

АНКА Вы самый страшный человек из всех, кого я знаю...

ПОЛКОВНИК Да, и с этим тяжело поспорить. Но это еще не самое страшное. Самое

страшное – то, что не только ты нужна мне, но и я нужен тебе. Возьми,

напиши и отправь – тогда расскажу тебе об отце.

Сцена 3

(АНКА и ПОЛКОВНИК, стоя, пьют на брудершафт, целуются, бьют

часы с кукушкой)

АНКА Анка.

ПОЛКОВНИК Стефан... Впервые пью на брудершафт смородиновый сок.

АНКА Это арония.

ПОЛКОВНИК Видишь, я уже вкусов не различаю.

(Садятся. ПОЛКОВНИК снова встает, идет в свою комнату,

возвращается со стопкой распечатанных листов)

ПОЛКОВНИК Прочитал. Четыре раза прочитал. Длинновато, но написано хорошо. И

прокурору, и судьям читать скучно не будет. Пожалуй, даже слишком хорошо. Некоторые формулировки прокурору придется перенести в акт

обвинения практически дословно. Вместе с вещественными

доказательствами и свидетельствами очевидцев потянет на добрых восемь

лет. Даже если я полностью признаю вину и раскаюсь.

АНКА Сделала, как могла. Надеюсь, свидетели не побоятся давать показания.

ПОЛКОВНИК Ну, знаешь, мы в свободной стране живем. Не слышала об этом? Орел

снова в короне.

АНКА В короне.

ПОЛКОВНИК Я сам признаюсь. Это придаст им смелости.

АНКА Ты не боишься?

ПОЛКОВНИК Чего?

АНКА Тебе лучше знать. Подам заявление о преступлении, появятся

доказательства, тебя арестуют, ты начнешь говорить, а потом тебя вдруг

найдут мертвым в камере.

(ПОЛКОВНИК на минуту задумывается. Делает глоток сока)

ПОЛКОВНИК Арония? Что это такое?

АНКА Не знаю. Думаю, этого ни один нормальный человек не знает.

ПОЛКОВНИК Это что – овощ, гриб, ягода? Или оно на деревьях растет? Ну, не бегает,

точно...

АНКА Ягода, наверное... Напишут мелким, очень мелким шрифтом, что

сломленный арестом полковник совершил самоубийство, или тюремный врач установит острую сердечную недостаточность. И дело заморозят. Многие вздохнут спокойно. И снова будет в Варшаве тишь да благодать.

ПОЛКОВНИК Век живи, век учись – яблочный пил, смородиновый пил. Может, это

какой-то новый цитрус?

АНКА Ты лучше меня знаешь, что этим может кончиться. Нового Нюрнберга не

будет.

ПОЛКОВНИК Этим не может кончиться. Останешься ты.

АНКА Я? Что я смогу сделать?

ПОЛКОВНИК Опубликуешь книгу. Спасешь от забвения и лжи.

АНКА Книга – это не Нюрнберг.

ПОЛКОВНИК Если это случится – я проиграл. Может, так мне, в конце концов, и надо.

Еще одна жертва. В коммуне это обычная, даже банальная судьба – вчера

бунтарь, сегодня убийца, завтра жертва. Обычное дело.

АНКА Обычное? Ты же хотел процесса, а не смерти при загадочных

обстоятельствах.

ПОЛКОВНИК А может у них не получится самоубийство? Нельзя с самого начала

настраиваться на худшее.

АНКА И все-таки?

ПОЛКОВНИК Значит, ничего не выйдет. Получается, проиграю. Но, по крайней мере, ты

будешь знать, чего я добивался. Нет, меня не могут убить. Провидение мне

поможет дожить до конца, до приговора.

АНКА Провидение? Ты же не веришь в Бога.

ПОЛКОВНИК Иногда верю. Неважно. Справедливость должна восторжествовать. Пойми,

тот офицер, который меня завербовал, он сказал, чтобы я выбрал жизнь. Жизнь любой ценой. Даже ценой предательства. Что, возможно, я когданибудь потом на что-нибудь сгожусь. Что смогу еще сделать что-нибудь

полезное.

АНКА Я понимаю.

ПОЛКОВНИК Я уже старик, этот процесс – это все, что я могу дать. Все, что могу

получить. Я же все-таки не самый плохой человек на свете. Это мой

процесс. И мой приговор.

АНКА Я понимаю. Ты думаешь, что твой процесс предотвратит вранье до конца

истории?

ПОЛКОВНИК Я эгоист. Хочу умереть, сравняв счет. За преступления нужно заплатить. К

сожалению, я дождался падения коммуны. Я был наивен, верил, что новая

Польша призовет меня и таких, как я, к ответственности.

АНКА Ты на самом деле в это верил?

ПОЛКОВНИК Да, верил, что расплачусь за свою жизнь. Что мне дадут такой шанс.

АНКА С твоим-то опытом? Верил во что? Что справедливость станет основой

Третьей Республики?

ПОЛКОВНИК Да, наивно верил. В какой-то степени остановился в развитии.

Заморозился. Всю сознательную жизнь прожил, как тот

восемнадцатилетний пацаненок, которого однажды поставили перед выбором – могила или предательство. Единственным спасением для меня могла стать тогда, разве что, Третья Мировая. Но даже тогда я понимал,

что война, мировая война, уже невозможна.

АНКА Долго ты принимал решение. После получения независимости уже столько

времени прошло.

ПОЛКОВНИК Сам в тюрьму не торопился. Я же говорил: сначала ждал, что до меня таки

доберутся. Потом подумал, что, наверное, есть какой-то смысл в этом всеобщем прощении очевидной вины. Что, может, и вправду так будет проще начать нормальную жизнь, если побыстрее обо всем этом забыть.

Наказали себя один раз, а теперь – всеобщий мир и спокойствие.

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК Как это – что? То, что вышло! Страна такая, какая есть! Память

невозможно ампутировать. На ее месте вырастает хвост вранья. Есть Fiat,

большой Fiat, лазенковская трасса, катовицкое шоссе – конечно,

фантастический успех! Старые, изжившие себя лица. Так называемые «специалисты». Бредни о равенстве шансов в ПНР, о работе для всех.

АНКА Один твой процесс, пусть даже самый громкий, этого не остановит.

ПОЛКОВНИК Я и не рассчитываю, что он будет такой уж громкий. На самом деле –

вопрос во мне. Я должен отыскать то, что когда-то во мне было, и чего

больше нет... Понимаешь?

АНКА Достоинство? Честь?

ПОЛКОВНИК Достоинство, честь? Это слишком. Достаточно человечности. Видишь, где

я живу, кто живет рядом со мной. Я не хочу больше шашлыков с военными прокурорами, не хочу играть в преферанс с отставными полицейскими.

АНКА А если тебя выставят сумасшедшим? Подсыплют порошка в еду, начнешь

плясать вприсядку перед судом, полезешь целоваться к прокурору? Мало

ли что они могут сделать.

ПОЛКОВНИК Ценное замечание. Стольких с ума свели. Одного так, другого этак.

Пожалуй, не буду есть перед слушаниями.

АНКА Что-то нужно будет есть. Или отправят под наблюдение психиатра.

(За закрытой дверью лает пес)

ПОЛКОВНИК Да. Это было бы в их стиле. Точнее, в нашем. Нашлись бы даже свидетели

моего неадекватного поведения. Свидетели, которым поверят. Тогда тебе

придется за меня побороться, Анка.

АНКА Как?

ПОЛКОВНИК Найдешь способ. Помни – без этого процесса герои останутся предателями,

а предатели...

АНКА Героями?

ПОЛКОВНИК Почетными пенсионерами. Преферанс, кофеек, жалобы на здоровьице, на

правительство, на эту голытьбу, которая тоже имеет право на жизнь. К

сожалению.

АНКА Их покой ничто не нарушит.

ПОЛКОВНИК Твой отец...

АНКА Мой отец не дожил до пенсии.

ПОЛКОВНИК В том-то и дело, они хотя бы будут знать, что был такой человек, как твой

отец, что не нужно было становиться прихлебателем, пресмыкающимся

перед властью и опережающим пожелания партии.

АНКА Мой отец был партийным.

ПОЛКОВНИК Все офицеры были, и сержанты в большинстве. Все руководство,

директора, вся эта многомиллионная бюрократия, эта «народная власть». Все. Им давали талоны на машину, сокращали ожидание в очереди на

жилье с пятнадцати до десяти лет... Партийным жилось легче. Воровали, предавали, выбивали себе путевки, направление в санаторий «для больной мамы»... Да ты сама знаешь. Если бы твой отец не был партийным, он никогда бы не стал офицером, майором, не командовал бы батальоном.

АНКА Зачем тебе вообще понадобился мой отец? Ты же работал в контрразведке.

Ты же должен был, не знаю, шпионов ловить. Хранить военную тайну...

ПОЛКОВНИК Детка, каких шпионов? Какую тайну? По моей информации, контрразведка

не поймала ни одного шпиона...

АНКА Как это? Были же процессы... приговоры...

ПОЛКОВНИК Нашелся какой-нибудь слишком болтливый сержант, пьяница какой-

нибудь, которому денег хотелось от ЦРУ на водку...

АНКА А тот певец? Ему же двадцать пять лет дали, он сам признался...

ПОЛКОВНИК Певец? Шпионы-то были, только нам их не удалось поймать. А с ним было

совсем просто. Он был, по сути, нашим человеком. У генералов пластинки были с его автографами. Состоял в Народной дружине, в партии, в обществе советско-польской дружбы. Общественный инспектор

дорожного движения. Разъезжал с концертами по гарнизонам. Что он мог видеть? Офицерские столовые и спортзалы. Любил женщин, машины, а это денег стоит, ну и задолжал одному американскому, так сказать, дипломату.

В покер еще играл.

АНКА И что? Сливал информацию американцам? Но вы же поймали его все-таки?

Был ведь обмен на мосту в Берлине, на директора фирмы Pewex?

ПОЛКОВНИК Ну да, но мы его по ошибке взяли. Он был любимчик генеральских жен,

пел им на днях рождения песенки Синатры и Магомаева. Каждый год был гвоздем программы фестиваля солдатской песни. Жрал, жрал, и в один прекрасный день обожрался. Получил золотой перстень, или кольцо, уже не помню, как эта награда называлась. Песня стала хитом лета, дети в садиках поют, радио крутит по кругу целый день. И вдруг какой-то журналист, я его помню, сволочной был сукин сын, ко всему цеплялся, ну и вот он, этот гнойник, пишет в газете, что этот хит – плагиат. Цензор

сообщил армии...

АНКА За плагиат получил двадцать пять лет?

ПОЛКОВНИК Ну что ты... Это был не абы какой плагиат. Он украл мелодию из Horst

Wesel Lied: "Die Fahnen hoch, die reine dicht geslossen, SA marschiert mit

ruigen festen schritt". Знаешь это?

АНКА Нацистский марш, да?

ПОЛКОВНИК Это гимн СС, песня, посвященная памяти сутенера, убитого еще одним

альфонсом, которому тот должен был денег за дурь... И у них были

достойные герои.

АНКА Так, значит, украл мелодию из Horst Wesel Lied?..

ПОЛКОВНИК Поднялся шум, потому что он записал это еще и для кинохроники.

Видеоклип – так это сейчас называется.

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК Посоветовали нам с этим разобраться.

АНКА Контрразведка занималась такими вещами?

ПОЛКОВНИК Ты что, не понимаешь? Наше дорогое народное социалистическое войско

маршировало в ритме гитлеровского марша. Хорошо еще, что на Запад это не просочилось. Надо было с ним разобраться. Поручили это молодому капитанишке, который свято верил в Народную Польшу, потому что другой глаза его в жизни не видели. Отправил тот певуну повестку, приходит этот звездун, а он ему сразу в лоб: «Как так можно?! Такую

свинью родному отечеству!». Но в чем дело, не говорит.

АНКА Не хочешь об этом рассказывать?

ПОЛКОВНИК Хочу. Именно об этом и хочу. И этот идиот вдруг говорит, что да, что так

ему тяжело, что он не может больше с этим жить... И признается в

шпионаже. Капитанишка остолбенел — он не был так глуп, понимал, что такое Запад уже мимо ушей не пропустит. К тому же, он впервые своими собственными глазами увидел американского шпиона. Позвал меня, еще одного офицера, хотел, чтоб были свидетели, выпили по одной, по второй, а потом прокурор приказ отдал. Арест, обыск дома. Сына, студента, чуть не запугали до смерти, хотели чтоб дал показания против отца... Вот так...

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК Это и был шпион, которого мы поймали. Огромный успех! Звания и

награды чуть ли не сотне офицеров. Грюнвальдский крест – это за него.

АНКА Чем вы тогда занимались?

ПОЛКОВНИК Я тебе уже несколько недель об этом твержу – убирали неугодных людей.

Оппозицию.

АНКА А в армии была оппозиция?

ПОЛКОВНИК В армии? Откуда? Мы занимались гражданскими – Комитетом обороны

рабочих, Конфедерацией независимой Польши, «Солидарностью», всей

этой братией. Костелом, естественно.

АНКА Костелом? Военная контрразведка?

ПОЛКОВНИК Костел, Ватикан, был для Москвы вторым по значимости врагом, сразу

после Америки. Чему вас в школе учат? О чем мы тут вообще говорим?

(ПОЛКОВНИК встает, подходит к шкафчику, минуту делает вид, что что-то ищет, потом достает рулон материи, разворачивает, вешает на

шкаф, через всю комнату. Это слегка выцветший транспарант с надписью «МЫ – ТВОИ ДИВИЗИИ». Поправляет, садится.

АНКА Мы – твои дивизии? Что это значит?

ПОЛКОВНИК То и значит. Когда-то, еще до войны, Сталин спросил у французского

министра Лаваля: «Папа Римский? А сколько у него дивизий?» Через пятьдесят лет запрещенная Солидарность встречала нашего Папу. Была месса на стадионе десятилетия, там где рынок теперь. Несколько студентов развернули этот транспарант. Вечером прошел слушок, что органы безопасности схватили нескольких членов вооруженного подполья — террористов. Это были те самые парни с транспарантом. Террористы, понимаешь. Вооруженное подполье. Это дело для контрразведки. Беру с собой пару жандармов, мы приезжаем туда. Они их допрашивают на

центральном вокзале, в железнодорожном комиссариате. Все комиссариаты переполнены, поэтому отвезли на вокзал. Вонь, как в сортире, тесно, вхожу, представляюсь. Террористы, это по нашей части. Сидят ментяра и студент, приятный даже такой парень, из Института

физкультуры. И этот мент, свиное рыло в кожаной куртке, мне транспарант

показывает, и объясняет что они, мол, партизанская дивизия.

АНКА Шутишь.

ПОЛКОВНИК Нет. И спрашивает у студента, где дислоцируются их подразделения,

сколько дивизий, в каких лесах.

АНКА Не верю.

ПОЛКОВНИК Я тоже. Офицер – спецагент после учебы – мозги промыты дочиста.

Парень ему, как ребенку, объясняет, что Сталин, что Лаваль, что метафора. А этот дебил все о своем – где дивизии? Какое вооружение? В какой

A 3101 ACOUNT BCC O CBOCK - 1 AC ANBUSHU! Nakoc BOOPYMCHIC! D Ka

валюте средства? Фантаст...

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК Ничего. Я взял вопрос на себя, привлек жандармов. Ребята – со штыками

на карабинах, дубины, сами здоровенные амбалы, вытащили студентов из этого сортира. Он еще хотел чего-то там, этот ментяра, чтоб я ему бумажку какую-то подписал. Прикрикнул на него, сказал пару ласковых... Вышли мы с вокзала, я парней отпустил, а транспарант оставил себе на память.

АНКА А жандармы что? Ничего не спрашивали?

ПОЛКОВНИК Жандармы? Эти никогда ничего не спрашивают. На то они и жандармы.

АНКА Так ты отпустил их? Великодушно. Ты тогда занимался моим отцом?

ПОЛКОВНИК Ты все-таки хочешь, чтобы я рассказал о нем?

АНКА Покончили с обедом – пора переходить к десерту. Я не буду писать об этом

в статье, чтобы это не выглядело, как личная месть.

ПОЛКОВНИК Месть возвращает нарушенный порядок.

АНКА Это средневековое утверждение. Расскажи об отце. Я помню, что тогда

часто бегала в аптеку.

ПОЛКОВНИК Да, это уже был конец. Он уже искал помощи у военного психиатра.

Наивный был твой отец, думал, что психиатр не наш. А он, понятное дело,

был информатором.

АНКА Это подло – использовать врача-психиатра против пациента.

ПОЛКОВНИК Вам в школах не рассказывают про психушки? Про больницы, где годами

держали оппозиционеров и кормили психотропными препаратами?

АНКА Это было при Советском Союзе.

ПОЛКОВНИК Ясное дело, при Советах. В ГДР оппозиционеров специально облучали,

чтобы вызвать опухоль, в Румынии были концлагеря, в Чехословакии кастрировали цыган. А Польша зато была оазисом счастья, дружбы и

сочувствия. Самый веселый барак. Кто эту ерунду выдумал?

АНКА Что вы сделали с отцом? Что вы с ним сделали?

(Телефонный звонок, ПОЛКОВНИК вскакивает и подходит к телефону)

ПОЛКОВНИК Айн момент. Колодей, слушаю... Здравствуй, здравствуй, сынок, что у вас

слышно? Ага, здорово. Стефан? То есть, это как по-вашему будет?.. Стивен? Красиво. Есть мамочка, есть, да... И как там? Двадцать восемь градусов... Хорошо, а у нас четыре. Дождь идет... мрак... Сейчас маму

позову. Зося! Маречек звонит!

(ПОЛКОВНИК подходит к закрытой двери с замками, стучит)

ПОЛКОВНИК Уже идет. Ну, к вам – далековато... Знаю я, но тут, понимаешь... Тяжело

уже нам обоим себя мобилизовать... Ну вот, мама уже здесь... Целую. И

малыша Стивена тоже. Степку, да. Пока.

(Кладет трубку. Садится. Молчание. Полковник время от времени

посматривает на телефон, АНКА пробует собраться с мыслями, чтобы

что-нибудь сказать. ПОЛКОВНИК ее опережает)

ПОЛКОВНИК По отношению к твоему отцу пришлось принимать исключительные меры.

Их количество было невероятным. Вообще, такое нагромождение

подлостей мы применяли разве что к трупам и беглецам. К людям, которых либо уже не было в живых, либо они были вне нашей досягаемости, на Западе. Традиционно начали с семьи. Твой отец был арийцем. Знаешь такое слово? Хуже того, он был на четверть немцем. И к тому же, он был из Лодзи. Там было много полукровок. Мы с коллегами пустили слух, что

его мать была связана с Рейхом во время войны и работала в Гестапо

переводчиком.

АНКА Бабушку туда отправила Армия Крайова. Ведь был же процесс, и это все...

ПОЛКОВНИК

Анечка, кто там стал бы вникать в такие мелочи... А потом мы сочинили криминальную повесть. Прирожденный детоубийца, сегодня бы сказали педофил, носил в этой повести имя Хенрик Визнер. Был упрямый, как твой отец. И так же, как и он, имел жену и дочь. В финальной сцене маленькая Анечка рассказывает милиции, как ее отец стирал брюки, перепачканные кровью жертв. Мы позаботились о том, чтобы книжка попала куда следует, потратили сто пятьдесят тысяч. Военные библиотеки, блестящие рецензии, пресса, радио, телевидение.

АНКА Как вы это написали?

ПОЛКОВНИК У нас свои писатели были еще с восьмидесятых. Режиссер Милановский

хотел эту историю снять, написал сценарий, но, к сожалению, с твоим отцом случилось то, что случилось, и съемки остановили, а книгу изъяли

из библиотек.

АНКА Что это должно было дать?

ПОЛКОВНИК Он должен был уйти из армии. Должен был сам уйти. Конечно, мы могли

ему организовать процесс о краже бензина из танков. Бензина, понятно, и так не было, везде воровали. Мы могли бы раскрыть в его лице целую волну преступлений. Самоубийство солдата, затурканного коллегами. Могли бы ему подложить девку, сделать снимки, отправить жене. Могли, разумеется, разыграть несчастный случай по пьяни, хотя пил он меньше многих. Все могли. Но это все были примитивные решения. Мне нужно

было что-то совершенно другое.

АНКА Что?

ПОЛКОВНИК Я подсознательно хотел его проверить. Может, даже помочь ему хотел.

Цеплялся к нему, понятно дело, но думал, что, может быть, то, что его не

убьет, сделает его сильнее.

АНКА Увы, убило.

ПОЛКОВНИК Хочешь меня придушить? Пожалуйста...

АНКА Давай дальше...

ПОЛКОВНИК Тогда я вспомнил о шахматах.

АНКА О шахматах?

ПОЛКОВНИК Да, о шахматах. Твой отец с ума по ним сходил. Представляешь, знал

наизусть все партии Карпова с Корчным, все эти гамбиты, обороны,

прыжок на С4... Эта страсть его и погубила.

АНКА Значит, шахматы. Не ты.

ПОЛКОВНИК Комбинация была по-детски простая. В Советском Союзе шахматы были

делом государственной важности. Двадцать миллионов членов в союзе шахматистов, куча денег уходила на одни шахматные издания. Шахматы –

деревянная коробочка, шестьдесят четыре поля, шестнадцать белых фигурок, шестнадцать черных...

АНКА Я знаю, что такое шахматы.

ПОЛКОВНИК После восстания Солидарности Советы значительно укрепили в нашей

стране свои, назовем это – представительства. Контора торгового советника прилично разрослась. Среди прочих, появился тогда Кирилов. Владимир Михайлович Кирилов. Милый парень, шустрый, жена у него красивая была. Тамара. Это было уже новое поколение русских. Они владели языками, ели ножом и вилкой. И не пили. Ну, то есть, не

нажирались.

АНКА Помню. Помню, дядя Володя и тетя Тамара...

ПОЛКОВНИК Оба из ГРУ. Из военной разведки. Она действительно была красивая,

быстро у нас ребенка родила.

АНКА Они мне приносили матрешек. Как-то так это называлось.

(ПОЛКОВНИК встает, подходит к комоду, ставит на стол матрешку, начинает с ней играться. Выставляет в ряд от большой до маленькой).

ПОЛКОВНИК Точно, дядя Володя и тетя Тамара... Он был увлеченным шахматистом.

Уже среди юниоров был вице-чемпионом Ленинграда. Здесь ему не с кем было играть. Польские шахматисты боялись его, как огня. В конце концов, было военное положение, все поляки избегали контакта с россиянами.

АНКА Видимо, не все.

ПОЛКОВНИК Конечно, всегда находились такие, кто в иностранных посольствах делал

себе карьеру. Это я сейчас о нормальных людях говорю. Нужно было бедняге-шахматисту организовать какого-нибудь партнера. Представить не можешь, сколько было желающих. Вдруг все как один стали решать

двухходовки.

АНКА Двухходовки?

ПОЛКОВНИК Шахматные задачки, которые печатали в газетах, где нужно было белыми

за два хода поставить мат. Два шага. Шах-мат. Черные всегда обречены на

проигрыш.

АНКА И что?

ПОЛКОВНИК И тогда я разыграл свою двухходовку. Первым ходом передвинул твоего

отца в Варшаву.

АНКА Помню. Мы поселились в Жолиборе.

ПОЛКОВНИК Довоенная армейская колония. Второй ход был еще проще – нужно было

товарищей между собой познакомить. Часть твоего отца направила его к Кирилову на переговоры о новых патронташах для танков Т-72. Одна

встреча, вторая, разговорились, естественно, случайно, об общей страсти. И стали приятелями.

АНКА Помню, мы вместе плавали на лодке по заливу.

ПОЛКОВНИК Вот именно – на лодке по заливу. Кто-то их заметил вместе на пристани,

кто-то где-то обмолвился об этой дружбе. Это и было началом конца

твоего отца.

АНКА Я что-то упустила.

ПОЛКОВНИК Ничего ты не упустила. Прошел слух, что твой отец – агент ГРУ. Мне даже

не пришлось его распространять. Достаточно было просто не

препятствовать.

АНКА Мой отец? Это же абсурд!

ПОЛКОВНИК Тогда все было абсурдом.

АНКА Я не понимаю, Советы ведь все знали и все контролировали. Зачем им был

еще и агент?

ПОЛКОВНИК Следить за другими офицерами. Для, так сказать, мониторинга их

лояльности. Искать зацепки, чтоб не подвели в случае проверки. Советы готовились к войне. Им нужно было знать, кто из офицеров, рядовых офицеров, не будет колебаться, отдавая пушечному мясу, то есть,

Польской народной армии, приказ к наступлению. Кто будет стрелять в спины нерасторопным солдатам, а кто нет. Кто способен утопить своих

солдат в их собственной крови, как их топили под Ленино или

Будишиным. Для этого Советам нужны были агенты в польском войске.

Ты спросила, я ответил. Теперь ты знаешь.

АНКА Но мой отец просто играл в шахматы.

ПОЛКОВНИК И катался на лодке. Он не был агентом. Но все его таковым считали.

Офицеры переговаривались между собой, а мы эти разговоры подстегивали. И у них все факты сложились в единую логическую цепочку. После того, что он сделал при военном положении, тогда, в

Гданьске, на верфи...

АНКА Что он сделал?

ПОЛКОВНИК Ты не знаешь? Правда, не знаешь?

АНКА Не знаю. Кто мне мог рассказать?

ПОЛКОВНИК И то правда. Я тебе расскажу. Твой отец под Гданьской верфью, в

колыбели Солидарности, 14 декабря, на второй день после введения военного положения, стал предателем. Перешел на сторону врага. В

боевых условиях.

АНКА Что он сделал?

ПОЛКОВНИК Пообедал.

АНКА Пообедал?

ПОЛКОВНИК Пообедал. Взял танкистов, пошел на верфь, и пообедал с бастующими. Дал

бастующим слово чести, что его танки не будут атаковать верфь.

Понимаешь?

АНКА Понимаю. Он сдержал военную присягу. Присяга обязывала его стоять на

страже завоеваний рабочих людей в городах и селах. Солидарность,

рабочие и гражданские свободы и были их завоеваниями.

ПОЛКОВНИК Он разрешил вставить в люки танков флаги Солидарности. В мегафоны

кричали: «Это больше не танки Ярузельского, это польские танки».

Понимаешь, говорили: польские танки.

АНКА Ну и что? Вы ведь все равно разрушили и верфь, и шахту, фабрики,

заводы...

ПОЛКОВНИК Естественно. Ночью танки твоего отца были отозваны с верфи. Приехали

другие. Это уже были не польские танки, это были танки Ярузельского. Их

командир знал, что делать.

АНКА Военное положение было меньшим злом.

ПОЛКОВНИК Нет. Это было большее зло. Это было самоубийство. В 1980-м люди

выпрямились, подняли головы, стали жить по-человечески. А мы им перебили эти распрямленные спины. Сами себе их перебили. Это был конец Польши. Самоубийство. Польша уже не поднимется из этого на протяжении много поколений. Перепутались понятия, мы научились на

самих себя плевать, самих себя ненавидеть.

АНКА К чему этот пафос?

ПОЛКОВНИК Сами на себя смотрим, как на исторических неудачников.

АНКА Большие слова.

ПОЛКОВНИК Представь себе, как ты сегодня мыслишь, через много лет после тех

событий – в Польше нет добрых, порядочных людей, а историю творили

агенты и предатели.

АНКА Не подсказывай мне, что я должна думать.

ПОЛКОВНИК И пить ты начала оттого, что тебе было комфортно в своем окружении, в

семье было на кого опереться. И развелась по той же причине. И именно поэтому написала заявление на стипендию, ищешь работу в Брюсселе. Потому что тебе хорошо в своей родной стране, порожденной чертями?

АНКА Не перегибай. Какими чертями?

ПОЛКОВНИК Чертями. Упырями. А твой отец, майор Михал Визнер, тогда еще капитан

Визнер, поступил так, как должен был поступить каждый из нас. Встал на

сторону тех, кого присягал защищать.

АНКА Если бы не военное положение, было бы вторжение – сотни, может, тысячи

убитых и раненых.

ПОЛКОВНИК Не было бы. Были, в конце концов, четкие инструкции реагирования на

ввод войск. Каждый член Солидарности знал их наизусть.

АНКА И Советы бы испугались? Рональда Рейгана, Леха Валенсу или Анну

Валентинович?

ПОЛКОВНИК Советы умирали. У них не было хозяйственной самодостаточности. Они у

Запада покупали зерно. Они не могли вторгнуться, потому что сидели по уши в Афганистане. В конце концов, если бы вошли, упали бы еще ниже,

чем были.

АНКА Это спекуляции. Не помнишь, что было в Будапеште в 56-м? Сколько

венгров погибло?

ПОЛКОВНИК А в Чехословакии? Знаешь, сколько народу погибло во время нашего

вторжения в Чехословакию?

АНКА Не знаю.

ПОЛКОВНИК Пятьдесят. По всей стране. Помнишь, сколько людей погибло в декабре

1970-го, за три дня? В четырех городах. От пуль польских солдат и

милиционеров.

АНКА Сорок пять.

ПОЛКОВНИК Официально. Неофициально больше ста.

АНКА Эти подсчеты не имеют смысла.

ПОЛКОВНИК Имеют, потому что получилось, как говорится, отделаться малой кровью.

И именно Солидарность выбрала этот путь, не оказывая насильственного сопротивления. Это заслуга народа. Мы в войсках были готовы к сотням,

если не тысячам жертв.

АНКА И кто так говорит?

ПОЛКОВНИК Все так говорят. Советы, русские – жестокие люди. Немцы –

прирожденные злодеи. А поляки что? Белые перчатки, приглашения на чай? Сигареткой угостить? Пытки в подвалах спецслужб были еще изощреннее, чем в Гестапо. Я знаю, что говорю – я знаком с людьми,

которые проводили процедуры и здесь, и там. А ОМОН? Парни из ОМОНа чувствовали себя полноценными только когда им в лица кричали: Гестапо!

Гестапо!

АНКА Это все и так известно. Расскажи мне об отце. Как вы начали над ним

работать.

ПОЛКОВНИК Я начал. Как раз там был. Видела бы ты – польские рабочие сердечно

приветствуют польского офицера и польских солдат. И этот голос из мегафона: «Это больше не танки Ярузельского, это польские танки». Впервые после Второй Мировой войны польское войско, хоть и малая его

часть, оказалось там, где следует. Твой отец встал на правильную

сторону...

АНКА Так для тебя это была правильная сторона?

ПОЛКОВНИК Да, конечно. Правильная сторона есть всегда.

АНКА И что было дальше?

ПОЛКОВНИК Военное положение стало концом Польши. До этого, тысячу лет разные

вещи случались в нашей истории, но военное положение – это было как

убийство младенца.

АНКА А что родилось?

ПОЛКОВНИК Родилась живая Польша. Наша. Настоящая. Помнящая и заботящаяся обо

всех своих гражданах. Гордая. Но без этой сегодняшней сраной гордыни. Польша молодая, открытая и смелая. Не жертва и не попрошайка. Живая

страна для живых людей.

АНКА Такой Польши никогда не было.

ПОЛКОВНИК Была. И, может, еще будет. Лет через сто, двести. Я ее не увижу. И ты

тоже.

(Стук в дверь из другой комнаты. ПОЛКОВНИК вскакивает, быстро

хватает телефонную трубку)

ПОЛКОВНИК Да, сынок... Да. Нет, нет, дело не в деньгах. У меня есть на билет... Не в

этом дело. Ну что мне там делать? В гольф я играть не умею. А тут у меня работа. Мне хорошо здесь. Надо закончить кое-что, старые дела. Нет, только здесь могу это сделать... Ага. Да нет, ничего не скрываю, просто... Сынок, старые деревья не пересаживают. При чем тут поговорка? Извини,

у меня гость.

(Кладет трубку)

ПОЛКОВНИК Пригодился бы дедушка внуков нянчить...

АНКА Расскажи до конца. Что с ним стало дальше?

ПОЛКОВНИК Он должен был уйти из армии. Представь себе – разговоры замолкали,

когда он появлялся. Его никто не приглашал в гости, никто не разговаривал

с его женой. Во дворе дети с тобой играли?

АНКА Да.

ПОЛКОВНИК Да? А мамы не их звали домой, когда тебя видели? На утренники тебя

приглашали?

АНКА Тогда, наверное, было не до этого.

ПОЛКОВНИК Было до этого. В блоке дети офицеров держались вместе, дети низших

чинов тоже играли друг с другом. Ты не была ни с теми, ни с другими. Он

должен был покинуть армию.

АНКА Что с ним случилось?

ПОЛКОВНИК Он застрелился. Возле цитадели. Недалеко от города, где когда-то

повесили Траугутта. Вроде бы ему приписывали какую-то болезнь. Я не проверял. С меня хватило. Я убил одного из лучших людей, которых

встречал в жизни. И все. Ты меня не простишь?

AHKA Het.

ПОЛКОВНИК Хорошо.

АНКА Ничего не прощу. Можете меня не провожать. Будет вам ваш Нюрнберг.

ПОЛКОВНИК Коммунизм таков. В каждом человеке расцветает худшее.

АНКА Нашелся справедливый судья.

Сцена 4

(То же помещение, но некоторых предметов нет: часов с кукушкой, тарелок из Влоцлавка, матрешек. На полу стоят оклеенные скотчем картонные коробки. Светлее, все двери открыты. Из серебристого минирадио тихо доносится музыка — сборник военных маршей. Исчезли засовы. ЖЕНА, значительно моложе ПОЛКОВНИКА, проводит АНКУ по помещению. Они выходят из комнаты, на которой когда-то висели замки. ЖЕНА в легком трауре)

ЖЕНА Тут мы с мужем собирались пробить окно в кухню – это обычная стенка, не

несущая. Хотели сделать что-то вроде столовой. Полы новые, хорошие.

Кабельное телевидение — мы, конечно, платили за кодировку, но это вам решать, как хотите. Трубы меняли в прошлом году — можете теперь лет сорок быть спокойны. Балкон мы планировали застеклить — там большая хорошая лоджия, может выйти славная оранжерея. При нашем-то климате, сами понимаете,

открытый балкон ни к чему.

АНКА И сколько бы это стоило?

ЖЕНА О! Вот и кофе готов...

(Подходит к аппарату, достает пачку кофе, ставит на стол, из шкафчика

вынимает чашки, сахарницу, ставит на столик. Садятся)

АНКА Хороший аппарат.

ЖЕНА Муж мне купил на день Рождения.

АНКА Наверное, стоил целое состояние.

ЖЕНА Соседи спокойные, все свои. Все коренные варшавяне. Большинство с высшим образованием. Жилищное сообщество заботится о том, чтобы не было случайных людей. Пожалуйста, угощайтесь. Снимать квартиру сейчас нельзя, сами знаете, вьетнамцы — это просто чума. Товарищеские агентства тоже. Рядом есть парк, можно с собачкой гулять, или с ребенком. Детский сад, государственный, прямо возле дома, очень хороший, а рядом есть еще один, частный, если вдруг понадобится.

АНКА И сколько это стоит?

ЖЕНА Мебель я вам оставляю – на кухне все есть, даже телевизор. Пожалуйста, вот сахар...

АНКА Спасибо, я без сахара.

ЖЕНА Как это, без сахара?

АНКА Просто, без сахара.

ЖЕНА Впервые вижу человека, который не кладет сахар в кофе.

АНКА Мне так вкусно, а вот от сливок не откажусь.

ЖЕНА Сливки, сливки, сливочки? Конечно, в холодильнике есть.

(Подходит к холодильнику, который стоит на кухне, достает оттуда кувшинчик со сливками, возвращается)

ЖЕНА Как я вам и говорила по телефону, две с половиной тысячи за метр. У меня уже есть клиенты, которые сразу готовы дать две четыреста, но они, знаете, какие-то ремесленники. У них свой магазин. А мне бы хотелось, чтобы это был кто-то из интеллигенции. Может, вы больны?

АНКА Хороший кофе. Нет, я не страдаю диабетом.

ЖЕНА Я не хотела показаться бестактной.

АНКА Не переживайте, я просто пью кофе без сахара.

ЖЕНА Ну да, вы, молодые, можете себе позволить покапризничать, носом покрутить. Телефон мы на вас перепишем.

АНКА И сколько получается?

(Считает на калькуляторе в мобильном телефоне)

Сто девяносто тысяч. Это много.

ЖЕНА Но такая квартира, в таком районе. Всюду близко, станция метро недалеко.

АНКА Я не езжу в метро, у меня клаустрофобия.

ЖЕНА Бассейн в двух шагах. А кроме этого, я, знаете, все-таки верю в хорошую энергетику. Что-то в стенах остается. Мы тут с мужем прожили много счастливых

лет. Такое уютное гнездышко вам оставляю...

АНКА Вы куда-то уезжаете?

ЖЕНА Сын уговорил, чтобы переезжала к нему. Он живет в Мельбурне, это в Австралии.

У меня двое внуков. Я считаю, важно, чтобы они сохранили язык предков. Будут

австралийцами, но где-то же Польша должна поселиться в их маленьких

сердечках, правда?

АНКА Ваш муж тоже уезжает?

ЖЕНА Нет, я не говорила вам? Мой муж скончался. Отчасти, еще и поэтому я решила

уехать.

АНКА Мне ужасно жаль.

ЖЕНА Все когда-то уходят – судьба. Два месяца проплакала, а потом он ко мне во сне

явился. Сказал мне, чтобы не плакала, что ждет меня там, где он сейчас...

АНКА Он долго болел?

ЖЕНА Мой муж? Он вообще не болел. Никогда. Он был, простите, профессиональный

солдат, офицер, полковник. Всю жизнь служил Отечеству. Несчастный случай. Не

бойтесь, он умер не здесь.

АНКА Я не боюсь.

ЖЕНА Просто некоторые боятся жить там, где кто-то умер. Это был несчастный случай

на охоте.

АНКА Ваш муж охотился?

ЖЕНА К сожалению. А вы думали, все эти трофеи он на базаре купил?

АНКА Нет, не думала.

ЖЕНА Шкуры я вам тоже оставлю.

АНКА Красивые шкуры.

(Неловкая пауза)

АНКА Знакомый моих родителей тоже подстрелил себя на охоте. В сонную артерию.

Истек кровью.

ЖЕНА Нет, мой муж не сам себя подстрелил. Он слишком хорошо стрелял, чтобы с ним

могло случиться что-то подобное.

АНКА А что произошло?

ЖЕНА

Он поехал вместе с другом. Было у него плохое предчувствие перед этой охотой, но тот его уговорил. На самом деле, очень порядочный человек. Тоже офицер в отставке, из воздушного десанта. Я экзамен на водительские права ему сдавала. С первой попытки сдала...

(АНКА громко ставит чашку на стол, поперхнулась. ЖЕНА вскакивает, начинает стучать ей по спине. АНКА показывает жестами, что хватит)

ЖЕНА

Что случилось? Все в порядке?!

АНКА

Уже прошло.

ЖЕНА

А я вам говорила, чтоб сахару добавили. От сладкого никогда бы такого не было.

АНКА

Уже прошло, все в порядке. И этот друг застрелил вашего мужа?

ЖЕНА

Подстрелил. Они сидели в засаде на кабана с двух сторон, едва светало, он заметил, что что-то шуршит в кустах, думал – кабан, выстрелил – и вот вам несчастье.

АНКА

И что? На этом все и закончилось? Его как-то наказали?

ЖЕНА

Получил условный срок, отобрали лицензию на оружие. Знаете, какая это для него была трагедия. Убить одного из друзей, которых и так все меньше год от года. Друзей. Товарищей по оружию. Старой гвардии. Уходят самые лучшие. С каждым годом все меньше фамилий в записной книжке. Он еще во время службы получил ранение, хромал, пришлось уйти из армии. Тяжелая служба. И неблагодарная. Ведь это благодаря им, таким людям, уже шестьдесят лет мир на Земле.

АНКА

Ну, да. Человеческая трагедия. Убить друга.

ЖЕНА

Да. Ну да ладно, что это мы все о грустном? Одно хорошо, что, возможно, его смерть наступила в подходящее время.

АНКА

В каком смысле?

ЖЕНА

Да, так ему, значит, было предписано. Погиб, как солдат, как мужчина. Но я иногда думаю, что это случилось в нужный момент. Как раз, когда он уехал на охоту, пришла повестка из прокуратуры. Представляете, моему мужу, пенсионеру, повестка в военную прокуратуру? В качестве подозреваемого. Номер дела, статьи. Мне почтальон только показал, это было заказное письмо.

АНКА

Может, ошиблись.

ЖЕНА

К сожалению, нет. У меня знакомые в прокуратуре. Кто-то написал донос, что он преступник, который в Народной Польше не может остаться безнаказанным. Какие-то жуткие вещи. А потом пришло уведомление о закрытии дела вследствие смерти подозреваемого. Подозреваемого, понимаете? Вы можете себе представить? Донос на такого человека?

АНКА

В таком случае, может, и правда хорошо, что он не дождался.

ЖЕНА Он был отличным офицером, настоящим поляком. Если бы вы слышали речи на похоронах. Я все глаза выплакала. А когда почетный караул дал салют в его честь, не одна я плакала. Мазурка Домбровского играла. И посмертно Командорский крест ордена возрождения Польши. Polonia Resituta. Внукам отвезу все медали. Пусть знают, что дедушка был достойным поляком.

АНКА Правильно, пускай знают. А почему ваш сын уехал из Польши?

ЖЕНА Ну знаете, за вами, молодыми, не уследишь. Кто его знает? Жена наверное уговорила. У нас даже проблемы были из-за них — они в Италии убежали прямо с экскурсии. Сто восемьдесят пять тысяч. Последняя цена.

АНКА Боюсь, это все равно слишком дорого для меня. Хотя, честно говоря, я сейчас квартиру покупать не собираюсь.

ЖЕНА Тогда зачем позвонили?

АНКА Кое-что поменялось. Я уезжаю на стажировку в Штаты – получила хорошее предложение.

ЖЕНА Что же вы мне тогда голову морочите? Я другим клиентам отказала. Две четыреста за метр давали...

АНКА Я вам как раз пришла об этом сказать, но квартира мне очень понравилась. Подумала, может, когда вернусь, через четыре месяца...

ЖЕНА Я не могу столько ждать.

АНКА Простите, что морочила вам голову.

ЖЕНА Ну да ладно, ничего...

(Встают, подходят к двери, стоят у выхода)

ЖЕНА А стажировку никак нельзя перенести?

АНКА Боюсь, нет – у меня договоренность на практику в серьезной редакции, на CNN, встречи с Джимми Картером... Там было несколько десятков кандидатов, я и не думала, что выберут именно меня. У вас была собака?

ЖЕНА Да, была. У мужа была гончая. Медали получала на выставках. А откуда вы знаете?

АНКА Заметила в комнате подстилку и миску.

ЖЕНА Я еще не успела сделать уборку. Нужно прибраться. Тут такой бардак...

АНКА Вы ее отдали?

ЖЕНА Собиралась отдать. Есть один хороший частный питомник. Он бы быстро нашел себе нового хозяина, наш Тристан. Но кто-то подкинул в подъезд отравленные

сосиски. А он так любил сосисочки... За сосиску что угодно – и сидеть, и голос, и апорт...

АНКА И что же, полиция никого не поймала?

ЖЕНА Около двадцати собак, представляете, за один вечер? Будет себе полиция голову забивать мертвыми собаками. Дети, скорее всего, экспериментировали. Вы журналистка? То-то я думаю, мне ваша фамилия откуда-то знакома. Ну, конечно же – Михал Визнер! Он вам не родственник?

АНКА Нет... Да. Он мой отец.

ЖЕНА Отец? Да вы что?! Михал ведь был ближайшим другом моего мужа. Так сказать, младшим товарищем. Мой муж о нем заботился, особенно, когда у Михала начались проблемы. Знаете, тогда, на верфи, это по-разному можно было трактовать, поговаривали о военном суде. Сами понимаете, что это значит. А мой Стефан его защитил! Хотя, это он должен был делать эту работу. Уже подполковником был, в танке не сидел с операции «Дунай», а тогда в первом танке должен был въехать на верфь. Там все, что угодно, могло быть – у них, этих бандитов из Солидарности, были наготове бутылки с ацетиленом, с бензином. А отца твоего он потом защищал до последнего. Говорил: все помню, не верю, что мать Михала немка и что он агент ГРУ.

АНКА Он так говорил?

ЖЕНА Даже самому Михалу это сказал. И сказал, что можно на него рассчитывать, если что.

АНКА Если что?

ЖЕНА Не знаю. Но говорил. При мне. Но даже это его не спасло. Он уже тогда, наверное, замышлял самоубийство. На следующий же день лишил себя жизни. Деточка моя, мне так жаль...

(Подходит, обнимает АНКУ, крепко прижимает ее к себе. АНКА не реагирует)

ЖЕНА Могу представить, что ты тогда пережила. Такой шрам на всю жизнь. Я продам тебе эту квартиру. Когда тебе будет удобно. Я подожду. Нужно помогать друг другу...

АНКА Нет, я не хочу здесь жить. Не нужно помогать друг другу! Я не хочу здесь жить...

Занавес